

Нижний чин Степан Воинцев попал в плен во время так называемой «резиновой войны». В начале 1915 года австрийские войска начали наступление в Карпатах в надежде отбросить русскую армию от перевалов, ведущих на Венгерскую равнину. Для тех и других в условиях горной местности бои вылились в цепь мелких, но оттого не менее ожесточенных стычек с ничтожными общими результатами. Продвижение вперед или назад исчислялось буквально метрами. Ну и солдатскими жизнями, разумеется. Озверение достигло крайних пределов.

Полурота 14-й пехотной дивизии, в которой служил Воинцев, была окружена австрийскими горными егерями по гребню превосходящих высот. И все же русские, возможно, сумели бы вырваться из кольца, если бы враги не применили жуткую техническую новинку, разом словившую у наших солдат всякую волю к сопротивлению.

Со стороны австрийцев раздался винтовочный выстрел, и Степан только и успел заметить, как голова припавшего рядом к камням поручика Лебедянского словно взорвалась изнутри. Брызги крови, перемешанные с ошметками

плоти, далеко разлетелись вокруг. От следующего залпа оторванная рука рядового Петрухина выскочила из страшной раны, образовавшейся на месте правого плечевого сустава. Отовсюду послушался дикий вой чудовищно искалеченных людей.

— Братцы! Что же это деется?!

Так русские солдаты впервые познакомились с разрывными пулями «дум-дум». Впоследствии те из австрийцев, у кого в подсумках находили обоймы с ними, принципиально не брались нашими в плен, а уничтожались на месте. Однако сейчас остатки полуроты были полностью деморализованы. Не каждый рассудок мог выдержать зрелище столь ужасных увечий. Да и предыдущими боями солдаты были вымотаны основательно. Приходилось сражаться в сильные морозы, по пояс в снегу и при начинавшем уже сказываться недостатке боеприпасов. Выручала русская смекалка и русский же штык. Но не всегда же на них рассчитывать! Особенно когда противник так и сыпет вокруг смертоносной шрапнелью.

Сам Степан в плен сдаваться не собирался. Но от судьбы, как известно, не уйдешь. Один из егерей швырнул со скалы ручную гранату, и от близкого разрыва Воинцев на мгновение потерял сознание. А когда очнулся, то неволью поразился воцарившейся в горах тишине. То тут, то там, беззвучно разеваая рты, словно в увлекательном фильме про войну, метались русские и австрийские солдаты. Красиво взметывались вверх фонтанчики снега, поднятые неслышно летавшими пулями и осколками.

— А?.. Что?.. — выронив винтовку и прижав руки к ушам, тщетно прокричал оцепеневший от осознания собственной глухоты Степан. Ответом послужил ловкий удар, которым подскочивший ражий егерь разом сшиб его с ног.

Полностью слух вернулся к Степану лишь через несколько часов.

За это время австрийцы построили захваченных пленных в колонну и, подгоняя ударами прикладов, погнали в расположение своего полка. Ну а что такое плен? Окрики конвойных, зуботычины, постоянное унижение. Плюс ломовая работа. Не далек был тот час, когда и Австро-Венгрия вслед за Германией введет и на своей территории продовольственные карточки. Пока же продуктов в тылу хватало. Но, разумеется, только для своих. Так что на долю русских пленных выпадала лишь сушеная свекла да баланда из нечищеного турнепса.

Крестьянин из села Украинская Буйловка Белогорской волости Воронежской губернии Степан Воинцев считал себя «хохлом», хоть и говорил, естественно, не на чистом украинском языке, а на своеобразном «суржике». Тем не менее это помогло ему завязать знакомство с некоторыми солдатами-гуцулами из охраны лагеря. У тех тоже был свой «суржик». Только не русско-украинский, а украино-польско-немецкий.

В общем, как-то один из горцев, высокий, вислоусый Григор Зирняк, рассказал, подмигнув, Степану любопытную солдатскую сказку:

— А ты знаешь, отчего война-то началась? Собрались раз ваш царь с немецким кайзером и заспорили. Николай и говорит: «У меня войска столько, сколько зерна на поле»! А Вильгельм в ответ: «Я выпущу такого железного петуха, который все твое зерно склюет»!

Воинцев не мог не признать правдоподобности этой байки, вспомнив с внутренним содроганием огонь германской и австрийской тяжелой артиллерии, разметавшей русские позиции.

Впрочем, нельзя сказать, будто все западные украинцы одинаково относились к нашим пленным. Люди везде разные. Кто, оглядевшись по сторонам, украдкой перебрасывал через лагерную ограду сухарь или кусок брынзы, а кто, многозначительно передернув затвор винтовки, окриком заставлял отойти подальше от колючей проволоки.

Что до Степана, то пробыл он в прифронтовой зоне не очень долго. Кроме нехватки продовольствия, в Австро-Венгрии начал ощущаться и серьезный недостаток рабочих рук. Поэтому однажды всех военнопленных вывели из лагеря пешим строем, пригнали на ближайшую железнодорожную станцию и, погрузив в теплушки, повезли вглубь страны. А там уже начали быстро и сноровисто распределять исходя из своих потребностей. Кого отправили на шахты и заводы, кого — на сельскохозяйственные предприятия. Воинцева же наряду с наиболее сильными и выносливыми опять загнали в вагоны и повезли дальше к югу. И вот настал момент, когда на горизонте замаячили вздымавшиеся чуть ли не до самого неба заснеженные вершины Доломитовых Альп.

У себя дома вслед за односельчанами Степан наивно называл горами обрывистые меловые утесы высокого правого берега Дона. А иных в степях и не водилось! И лишь попав во время войны в Карпаты, он понял, что такое настоящие горы. Однако Альпы оказались еще выше и величественнее. Долгие годы Доломиты являлись естественной границей между Австро-Венгрией и Италией. Но сейчас, похоже, здешнему спокойствию пришел конец. Итальянцы, хотя и считавшиеся союзниками австрийцев, давно имели к своим северным соседям территориальные претензии. Однако те за одну только военную поддержку отдавать Трентино и Южный Тироль отнюдь не собирались. Поэтому воинственные подданные короля Виктора-Эммануила III все чаще и чаще благосклонно посматривали в сторону Антанты. Уловив тревожные тенденции, командование австро-венгерской армии принялось лихорадочно укреплять позиции в горах. Особенно в окрестностях перевалов, ведущих на территорию страны. Для этой цели использовались любые трудовые ресурсы, вплоть до мобилизованных гражданских лиц и многочисленных военнопленных.

Степан Воинцев оказался приписан к 29-му рабочему батальону, занимавшему укрепления и без того труднодоступного хребта Лагацуои. Разумеется, помимо собственной воли. Его согласия, впрочем, никто особо и не спрашивал. В противном случае имелась надежно сколоченная батальонными саперами виселица. Если не хочешь болтаться на ней, то бери кирку, тачку или лопату и отправляйся в горы. На позицию «Гоигингер», если быть точнее. От окружающей перспективы и впрямь захватывало дух. Крутые, почти отвесные склоны, сложенные из светло-шоколадного известняка, гибельные пропасти, на дне которых поблескивали тоненькие ниточки протекавших там рек. Расправившие широченные крылья орлы, зачастую парившие гораздо ниже работающих в скалах людей. И наконец резко выделявшаяся на фоне остальных вершин неправильная пирамида горы Тофане, вся расчерченная косыми полосами слоев осадочных пород. Тут не только камни ворочать — ходить было опасно!

Их взводом командовал молоденький кадет Схейбек. Подобно своему знаменитому литературному собрату — кадету Биглеру из «Похождений бравого солдата Швейка», — он тоже страстно хотел совершить какой-нибудь героический поступок. Вот только контингент обоим попался совершенно неподходящий. Поэтому, когда 15 июня со всех сторон вдруг посыпались итальянцы в своих шипованных ботинках-скарпах и украшенных перьями шляпах, никто и не подумал сопротивляться.

— Ну что же вы?! Сражайтесь!!! — со слезами на глазах воскликнул Схейбек, которому враги выкручивали руку с судорожно зажатым в ней револьвером.

— Чем? Этим? — на ломаном немецком ответил Степан, отбрасывая в сторону опостылевшую кирку. — И за что?

В роли невольных освободителей выступила 229-я рота батальона альпийских стрелков «Валь-Чизоне». Узнав, что среди захваченных австрийцев находятся и русские военнопленные, итальянцы тотчас отсортировали их из числа прочих.

Теперь же они считались союзниками! Чуть позже, уже после спуска на итальянскую сторону хребта, перед Степаном и его товарищами выступил сам командир батальона подполковник Джузеппе Ратти. Русского переводчика, правда, не нашлось, но многие пленные успели по верхам нахвататься немецкого. На нем кое-как и беседовали с итальянцами.

Ратти не стал ходить вокруг да около. Желающие, сказал он, будут немедленно переправлены в тыл и там станут ждать ближайшей okazji для возвращения на родину. Но есть и другое предложение. Те, кто захочет, могут быть зачислены во вспомогательные части доблестной итальянской армии. В таком случае их немедленно поставят на полное пищевое довольствие и даже начнут выдавать жалование в лирах. А после полной победы над врагом (разумеется, скорой!) они тоже вернутся домой, но уже богатыми людьми!

Степан Воинцев поверил посулам подполковника. И дело здесь заключалось даже не в деньгах. Просто единственный путь из Италии в Россию в условиях военного времени проходил только по морю. А австрийская пропаганда настолько расхваливала успехи немецких подводников, будто бы топивших все без исключения пароходы союзников, что данный вид транспорта среди пленных стал считаться дорогой не на родину, а на дно. Ко всему и с довольствием Ратти не обманул. Итальянская армия снабжалась гораздо лучше австрийской, и на столах даже вспомогательных подразделений регулярно бывали кофе, сыр, салами, сгущенное молоко, макароны и неизменная каша — полента. Плюс добрая порция отменного красного вина. Альпийские стрелки, впрочем, на высокогорье предпочитали пить виноградную водку граппу. Но и работу Степану приходилось выполнять более чем нелегкую.

Однако бодро начавшееся наступление итальянцев в Доломитовых Альпах тоже постепенно застопорилось. Хотя у них были свои успехи. Пусть и локального значения. Так, 19 октября 1915 года взвод младшего лейтенанта Пеннати из 228-й роты того же батальона альпийских стрелков «Валь-Чизоне» занял горный выступ на пике Малый Лагацуои, расположенный к югу от высоты 2779 и удачно доминировавший над австрийской оборонительной позицией «Фонбанк». Впоследствии его начали называть «Выступ Мартини» в честь нового командующего батальоном подполковника Этторе Мартини. Теперь там кипели ожесточенные бои. Итальянцы закрепились и непрерывно обстреливали австрийцев, а те то и дело пытались сбить их с выступа. В свою очередь высокогорные гарнизоны надо было постоянно снабжать. И тут суровая природа Доломитовых Альп диктовала свои условия. В предгорья все необходимое доставлялось на автомобилях. Там грузы поджидали караваны мулов, поднимавшие их еще выше. Однако наступал такой предел, когда и эти выносливые животные не могли одолеть возрастающую крутизну склонов. Тогда в дело вступали так называемые подносчики, подобные Степану Воинцеву и остальным добровольцам из бывших пленным. Они взваливали грузы на свои плечи и карабкались с ними к вершине: несли мины, снаряды, ящики с патронами и гранатами, мешки с продовольствием, тюки теплой одежды, бревна, доски и другие строительные материалы. Обратный спуск носилки с больными и ранеными, конвоировали пленным, выносили трофейное и вышедшее из строя оружие.

Степан очень скоро запомнил все, даже самые мельчайшие подробности этих монотонных и утомительных восхождений по узеньким тропинкам, тесным расщелинам или деревянным лестницам, проложенным в горах. Здесь крутой поворот, а там находится скальный выступ на уровне колен, через который надо обязательно переступить, чтобы не споткнуться и не полететь вниз. Тем не менее некоторые так принаравливались ко всему этому, что даже умудрялись дремать на ходу! Иногда подносчиков сменяли бесконечные вереницы поднимавшихся на

позиции войск. Солдаты шли с полными подсумками патронов, набитыми вещевыми мешками, некоторые помогали себе длинными альпенштоками. Почти все заблаговременно надевали на головы стальные каски.

День ото дня русским рабочим, если честно, начали нравиться эти подвижные и азартно жестикулирующие итальянцы. У них, казалось, напрочь отсутствовало чинопочитание. Так, после первых же серьезных неудач на фронте альпийские стрелки приняли, не стесняясь, распевать язвительные стишки собственного сочинения, далеко не в лучшем свете выставлявшие высшее командование армии. В вольном переводе они звучали так: «Виктор-Эммануил отправился в Кортину посетить своих солдат. Затем он поехал в Фальцарево, где генерал горных стрелков показал: “Вон там Сассо-ди-Стрия, а мы идем обратно!”» Или: «Генерал Кадорна написал своей королеве, что если она хочет видеть Триест, то пусть купит открытку с видом города!» Их можно было понять. Отнюдь не генералы замерзали в пургу и срывались со скал под кинжальным огнем противника.

В первой половине дня 31 октября Степан Воинцев как обычно поднялся к «Выступу Мартини». Сейчас там в который уж раз кипел жаркий бой. Альпийские стрелки отражали очередную атаку австрийских егерей. Степан поначалу не обратил на это ровно никакого внимания, поскольку импровизированный склад, куда он сгружал свою ношу, находился в сравнительно безопасном месте. Да и сама позиция, всего двенадцать дней назад занятая взводом Пеннати, изменилась почти до неузнаваемости. В скалах были оборудованы деревянные укрытия и прорублены дополнительные пещеры и галереи. Немного передохнув и еще раз подивившись человеческой изобретательности, русский подносчик собрался уже идти обратно, как вдруг со стороны перевала Вальпарола открыла огонь австрийская артиллерия. Снаряды дальнбойных гаубиц с пронзительным свистом начали падать в расположение итальянцев. Но странное дело, вместо привычных разрывов отовсюду доносились лишь не очень громкие хлопки. А следом из образовавшихся воронок поползли плотные клубы густого желтого дыма.

— Газы!!! — заорал кто-то нечеловеческим голосом. — Газы, ребята!

На «Выступе» началась лихорадочная паника. Как бороться с дьявольской отравой, тогда толком никто не знал. Да и противогазов еще не было. Мимо Степана, задыхаясь от кашля, промчался один из альпийцев с искаженным от ужаса лицом. Вслед за ним, побросав карабины, устремились остальные. А тут еще и австрийцы, воспользовавшись тем, что ветер дул в сторону «Выступа», пошли в новую атаку.

Однако в одном из укрытий, преодолевая опасность быть отравленными, осталось отделение пулеметчиков-сардинцев. Они и открыли огонь по наступающим австрийским егерям. Те, словно подкошенные, падали на скалы, а одинокий «Фиат-Ревелли» продолжал строчить, не давая врагу ни малейшего шанса на продвижение вперед. Газ, похоже, не брал отважных сардинцев, зато боеприпасы, увы, неумолимо подходили к концу. По крайней мере, выпустив несколько касет, используемых итальянцами вместо более привычных лент, пулемет стал стрелять гораздо медленней и расчётливей.

— Картуччи! Картуччи! — раздался отчаянный крик командира отделения младшего лейтенанта Пиньоли. — О, мамма миа!

Степан не сразу понял, что тот просит принести еще патронов. Однако вокруг уже никого не было. Облако газа, не успевшее поползти до подносчика, по-прежнему продолжало клубиться, заволакивая собой «Выступ Мартини». Взглянув на него, Степан на мгновение заколебался между чувством самосохранения и товарищеским долгом. Но тут все мысли из головы вытеснила одна — ясная и понятная. Если итальянцы не сумеют отбиться, то «Выступ» захватят австрийцы. А там что? Опять в плен попадать? Ну уж нет! Пускай сами свеклу сушеную жрут!

Быстро осмотревшись, Степан разворошил штабель одинаковых деревянных ящичков с трафаретной надписью «Cartucce da 6,5» и, наконец, отыскал то, что нужно, — коробки со снаряженными кассетами для пулемета. Подхватив сразу две, он вдохнул поглубже и, постаравшись задержать воздух в легких как можно дольше, со всех ног помчался сквозь ядовитую пелену к бункеру пулеметчиков.

— О, руссо! — обрадовавшись, прокаркал кашлявший и утиравший беспрерывно текущие слезы младший лейтенант. — Молодец! Давай, давай! Темпо!

Вдвоем они мигом заменили почти опустевшую кассету, и Пиньоли опять приник к ходившему ходуном «Фиату». И вовремя. Подобравшиеся близко австрийцы в очередной раз были скошены смертоносной очередью. Степан же, больше не в силах терпеть, ненароком глотнул отравленного воздуха, и в ноздри его тотчас словно вонзили по раскаленному гвоздю. Закашлявшись и невольно замотав головой, русский поднощик постарался подползти поближе к прорубленной в скале амбразуре. Но, как видно, недаром сардинцы держали в углу своего бункера икону Девы Марии, висевшую по соседству с развешанными по стенам касками. Да и Пиньоли не зря перед каждым боем целовал извлеченный из-за воротника мундира маленький нагрудный крестик. Так или иначе, помог Всевышний или произошло благоприятное стечение обстоятельств, однако концентрация газа на позициях пулеметчиков так и не достигла предела, способного отравить взрослого человека. Оба храбреца не только остались живы, но даже не потеряли сознания. А там и подмога подоспела, поскольку итальянским офицерам удалось быстро пресечь панику и навести порядок среди своих подчиненных. Австрийскую атаку отбили.

2

После отравления газами на «Выступе Мартини» Степан попал в тыловой госпиталь. В палату к «русскому герою» сразу же зачастило множество народу: журналисты, представители общественности, восторженные девицы с цветами, апельсинами и коробками папирос. Совершенно неожиданно очутившийся в центре внимания вчерашний крестьянин поначалу стеснялся этого бесконечного круговорота лиц, то и дело перемежающегося вспышками бурных эмоций и урапатриотических заверений. Однако особенно сильное впечатление произвел на него визит весьма примечательного посетителя. Сначала в дверной проем вдвинулся довольно объемистый живот, затем показалась солидная окладистая борода с проседью, и наконец в палату вплыл представительный мужчина лет пятидесяти в штатском пальто. Свою шляпу, равно как и сложенный зонтик, он держал в руках.

— День добрый! — к крайнему изумлению всех присутствующих по-русски пророкотал незнакомец, сквозь стекла пенсне всматриваясь в Степана. — Так вот он каков, наш герой! Выглядит молодцом! Ну что ж, давайте знакомиться. Я — Амфитеатров! Он же — Московский Фауст, он же — Старый джентльмен!

— Не имею чести знать! — простодушно признался Воинцев.

Очевидно ожидавший совсем иной реакции визитер удивленно воззрился на солдата.

— Что, совсем ничего не читали?

— Никак нет, ваше благородие!

— Ах, оставь. Какое я тебе благородие! Да, вот это сюрприз. А я уж, грешным делом, думал, будто мое имя по всей России-матушке гремит. А оно вон что получается. Откуда ж ты такой выискался, служивый?

— Воронежские мы!

— Это я знаю. Степан Воинцев, верно?

— Так точно!

— Ну-с, о ваших подвигах на «Выстуге Мартини» я уже наслышан. Поговоро о других боевых эпизодах. Начнем, пожалуй, с Италии. Для русской публики это будет звучать гораздо более экзотично. Как фельетонист с огромным стажем говорю! Здесь, в Доломитах, вы только на Лагацуои были?

— Нет. Еще на Мармоладе.

— О, Мармолада! Королева Доломитовых Альп!

— Она самая...

Расположенный на самом левом фланге Доломитов, увенчанный сверкавшим на солнце огромным ледником горный массив Мармолада вздымался на высоту более трех тысяч метров. 8 июня 1915 года подразделения финансовой гвардии и батальона альпийских стрелков «Беллуно» заняли перевал Омбретта — единственный, связывавший между собой долины Валь-Контрин и Валь-д'Омбретта. Их вел пятидесятилетний горный гид Винченцо Ферзош, хорошо знавший здешние места и сумевший отыскать трудную, но вполне проходимую тропу на вершину стены Вернель. Однако дальнейшее наступление итальянцев, как и повсюду, быстро застопорилось, остановленные проволочными заграждениями и огнем искусно замаскированных австрийских пулеметов. Это и неудивительно. Горные егеря противника тоже были хорошо подготовлены, да и занимали заблаговременно обустроенные позиции на господствующих высотах. Итальянцам же приходилось штурмовать их в лоб, что обходилось немалой кровью.

В свою очередь, обозленные первыми неудачами и гибелью товарищей альпийские стрелки задумали целую карательную операцию. С невероятными усилиями они умудрились втащить артиллерийское орудие на перевал Кирелле. Впрочем, это было легче сказать, чем сделать. Узкая горная дорога не позволяла встать более чем четверым в ряд, и потому остальные, подобно русским бурлакам, выстраивались в длинные колонны по десять-двенадцать человек и, впрягшись в импровизированные лямки, тянули пушку за собой. Иногда для транспортировки одного тяжелого орудия собиралось до пятидесяти альпийцев и их помощников. Участвовал в восхождении на Кирелле и Степан. Напрягая все силы, он при этом то и дело оборачивался назад, дабы посмотреть, как идет в гору пушка. Это занятие полностью поглощало внимание и не давало по достоинству оценить простирающиеся вокруг пейзажи. А они и впрямь были незабываемыми. Больше всего поражала Степана особенность здешнего известняка окрашиваться в розовый цвет на закате солнца.

Впрочем, суровая действительность вскоре опять властно напомнила о себе. Установив с таким трудом доставленную пушку на перевале, итальянцы навели ее и 6 сентября 1915 года до основания разрушили находившуюся по ту сторону хребта высокогорную гостиницу «Контрин», использовавшуюся австрийцами в качестве тыловой базы. Тем не менее Мармолада так и осталась кратковременным эпизодом в альпийской карьере Воинцева. В основном он все же находился на Лагацуои.

— Понятно, — покивал головой Амфитеатров. — Ну, а кормят в итальянской армии как? Терпимо? А то во Франции уже стал гулять анекдот. Мол, наши соотечественники, которым посчастливилось бежать из немецкого плена и очутиться в расположении союзников, жаловались, будто на обед им дают сырое мясо и коровий навоз! В конечном итоге выяснилось, что таким образом ниши солдатики именовали бифштексы с кровью с гарниром из шпината, ха-ха-ха!

И фельетонист, закинув голову, оглушительно расхохотался. Для приличия усмехнулся и Степан, хотя совершенно не понял соль шутки. У итальянцев с питанием дело обстояло гораздо проще. И привычней. Полента — та же каша, пусть и по-другому называемаяся. Саями — колбаса. Ну и так далее.

Очевидно, уловив повисшую в воздухе неловкую паузу, Московский Фауст поспешил перевести разговор на иную тему:

— Ладно. Теперь давай вернемся к делам российским. Так значит в плен ты, милейший, угодил в Карпатах?

— Именно.

— А до того службу где проходил?

— В 56-м пехотном Житомирском полку 14-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса 8-й армии генерала от кавалерии Брусилова! — единым духом выпалил солдат.

— Ничего себе! — изумился журналист. — И как ты все это запомнил?

— Армия, ваше благородие, всему научит. А фельдфебель — заставит!

— Охотно верю! И раз ты, друг любезный, под началом Брусилова служил, то, наверное, и в Галиции повоевать успел?

— Только частично. Меня же в армию после начала войны призвали. Обучали, правда, недолго. Через какой-то месяц в эшелон погрузили и — вперед. А уже ранним утром 29 августа 1914 года наш батальон пополнения получил приказ в спешном порядке идти ко Львову. Дороги развезло от проливных дождей, а на горизонте ощутимо погромыхивало. Там всю разгоралась встречная Городокская баталия...

Потерпевшие поражение в сражении на Гнилой Липе и оставившие Львов, Галич и Станислав австро-венгерские войска решили взять своеобразный реванш. Остановившись на рубеже реки Верещица, они форсированными темпами приводили себя в порядок, стягивая отовсюду подкрепления. Сложившаяся обстановка, казалось, благоволила подданным престарелого кайзера Франца-Иосифа. Перед их силами, насчитывавшими в общей сложности до семи пехотных корпусов, теперь находилась лишь одна русская 8-я армия (3-я двинулась на Раву-Русскую). Ободренные своим численным перевесом, австрийцы перешли в наступление 28 августа 1914 года. Однако и генерал Брусилов не любил отсиживаться в обороне и отдал приказ атаковать. К тому же его армия занимала случайные позиции и вряд ли смогла бы долго удерживать натиск противника. Завязалось упорное встречное сражение.

Первоначально австро-венгерские войска обрушились на правофланговый 12-й корпус, но то был не более чем отвлекающий маневр. Действительно, в скором времени вся тяжесть боя сместилась к центру и левому флангу 8-й армии. В таких условиях Брусилов принял экстренно собирать все, имевшиеся в его распоряжении, резервы. В их число попали и два батальона новобранцев, среди которых и находился наш Степан Воинцев. Почти все вновь прибывшие части шли на усиление центра армии, поскольку из донесений воздушной разведки стало ясно, что именно сюда австрийцы переносят направление своего главного удара. Очевидно, они намеревались прорвать русские позиции и вновь овладеть Львовом. Брусилов решил упредить неприятеля, стянув сюда до восьмидесяти пяти батальонов пехоты. К тому же на рассвете 30 августа 7-му и 8-му армейским корпусам было опять приказано атаковать. Правда, продвинулись они ненамного, однако притянули к себе значительные силы противника.

На всем фронте дела у австрийцев начали складываться далеко не лучшим образом. В тот же день их войска потерпели поражение еще и у Равы-Русской, где действовала наша 3-я армия генерала Рузского. Прорвать фронт Брусилова тоже австрийцам не удалось. Поэтому вечером 30 августа их генералы предприняли короткую атаку, под прикрытием которой и отошли за реку Верещицу, предусмотрительно разрушив за собой все переправы. В общем, боевое крещение у Степана удалось на славу! Главное, что закончилось оно победой русского оружия.

— Да, довелось тебе, братец, пороху понюхать, — уважительно подытожил

рассказ Степана Амфитеатров. — И в Альпах, и в Карпатах. Домой-то небось охота?

— Не то слово!

— Ну, не горюй. Я постараюсь что-нибудь узнать. Хотя в военное время с возвращением пленных из Европы в Россию дело сложно обстоит. Особенно — для рядовых. Но чем черт не шутит!

Амфитеатров слов на ветер не бросал. У него действительно имелись кое-какие серьезные связи. Проживая сначала в Леванто, а затем в Риме, Московский Фауст организовал своеобразное зарубежное бюро влиятельной отечественной газеты «Русское слово», при помощи которого активно боролся с прогерманской агитацией и всячески подталкивал правящие круги Италии к вступлению в войну на стороне Антанты. Впрочем, те и сами этого откровенно хотели. Популярность Амфитеатрова была настолько велика, что он запросто телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу, в бытность того главнокомандующим русской армией. И получал обстоятельные ответы на свои вопросы. Чего уж тогда говорить о знакомстве с будущим президентом Чехословацкой республики профессором Масариком! Или с самим премьер-министром Италии Антонио Саландрой!

3

Московский Фауст и впрямь замолвил словечко среди своих влиятельных знакомых в Риме. А тут еще и счастливая оказия подвернулась. Младшего лейтенанта Пиньоли надумали послать во французские альпийские части для обмена опытом. Вот командование итальянской армии и решило отправить вместе с ним Воинцева. Все равно ведь дорога в Россию через Францию пролегает. А там пусть русский военный атташе граф Игнатъев с соотечественником и разбирается!

Хлопоты по возвращению Степана домой начались сразу после его приезда с фронта в Париж. Правда, поначалу русский военный атташе полковник Игнатъев совсем не воспылал желанием возиться с очередным, свалившимся словно снег на голову, военнопленным. Потому и предложил Степану пока поработать на химической фабрике «Аллэ и Камарг». Мол, все бежавшие из плена русские солдаты так делают. А если каждого из них в Россию отправлять, то, извините, никакого тоннажа не хватит! Однако Воинцев, чувствуя за плечами поддержку итальянского представителя при французской Ставке, что называется, уперся рогом. Отправляйте на Родину и точка!

И Игнатъев уступил.

Из Франции в Россию в условиях военного времени можно было попасть несколькими путями. Самый длинный из них — почти кругосветное путешествие через Дальний Восток — не хотелось даже рассматривать. Другой вел вокруг Скандинавии в Архангельск или Романов-на-Мурмане. И, наконец, третий пролегал по территории нейтральной Швеции вплоть до границы с Финляндией, тогда входившей в состав Российской империи. По нему частенько выезжали на Запад различные военные, дипломатические либо думские делегации.

Решили отправить вокруг Балтийского моря и Степана.

Родина-матушка, вопреки всем ожиданиям, встретила своего сына неласково. Не было ни цветов, ни ковровой дорожки. Более того, вместо давно чаемого отпуска Степан прямиком попал в запасной полк. Да не в родной Воронеж или куда-нибудь поближе к дому, а аж в стоявший на самой Волге Царицын.

Однако перед тем как отбыть к новому месту службы, Степан неожиданно очутился в эпицентре так до конца и не понятой им интриги. К 1916 году прежний офицерский корпус русской армии уже потерял свою былую монолитность. Все

громче в нем стали звучать голоса своеобразных «младореформаторов», где тайно, а где и явно критиковавших высокопоставленных «стариков» за косность мышления и дедовские методы руководства. При этом хорошим тоном в определенных кругах стали постоянные ссылки на западный опыт ведения войны. «Давно, давно пора и нашей армии перенять французские и британские методы, да, жаль, замшелые умы и темные силы этого не понимают», — притворно вздыхали мечтавшие о генеральских лампасах майоры и подполковники.

Для того чтобы добиться вожденной цели, в ход шли разные способы. В том числе всевозможные комиссии, зачастую инспирированные не военным руководством, а представителями «прогрессивной общественности». Но ведь откуда-то им становилось известно о многих болевых точках действующей армии? И вот тут, очевидно, не обходилось без добровольной помощи «младореформаторов». Иначе откуда, в таком случае, в прессе периодически муссировались вроде бы секретные сведения о численном составе некоторых частей? Как, например, в случае с 77-й пехотной дивизией, потерявшей с начала войны уже 72 тысячи человек! Возможно, в других соединениях дело обстоит не лучше, однако именно эта информация попала на страницы газет. Оттого в 77-ю дивизию и отправилась очередная комиссия для выяснения столь больших потерь.

Нежданно-негаданно включили в нее и Степана. Тут, скорее всего, с ним просто не разобрались. В спешке Воинцева приняли едва ли не за полноправного представителя итальянской армии, каковым тот, естественно, не являлся. В итоге Степан чувствовал себя откровенно неуютно рядом с «господами» и потому старался все время держаться поближе к денщикам. Конечно, в ходе поездки недоразумение быстро прояснилось, но было уже поздно.

В расположение дивизии прибыли через Луинец и Сарны 23 марта 1916 года. 308-й пехотный Чебоксарский полк стоял в это время на реке Стырь. Причем штаб и тыловые подразделения находились по одну ее сторону, а передовые части — по другую. Для переправы с берега на берег приспособили давно взорванный железнодорожный мост, между опорами которого саперы уложили временный настил. От станции до расположения полка можно было добраться на дрезине, чем визитеры и воспользовались.

Вообще в тот день в землянке полковника Василия Ивановича Глыбовского собралась весьма разношерстная компания. Когда столичные гости вошли, то там уже сидели полковой батюшка, а также два брата милосердия из стоявшей на станции санитарной летучки, немало удивившие Степана своими необычными серебряными погонами. В армии он отродясь прежде такого не видел. Один из медбратьев, худощавый юноша с кудрявым чубом, представившийся Дмитрием Фурмановым, был в звании прапорщика. Только не армейского, конечно, а «земгоровского». То есть состоявшего на службе в объединенном «Союзе земств и городов» (сокращенно — «Земгор»).

Между тем батюшка, а вслед за ним и остальные визитеры принялись уговаривать полковника разрешить им посетить непосредственно окопы.

— Так ведь опасно. Там постреливают. Как бы греха не случилось, — попытался урезонить их Глыбовский.

— Да ведь на всю жизнь, господин полковник, на всю жизнь запомнится! Больно охота посмотреть, — не сдавался священник.

— Ну, если вы уж такой храбрый, что ж, пойдемте. Только разделиться надо, господа. Кучей не надо идти. Лучше — по двое.

Окопы представляли собой подлинный лабиринт, сырой и прохладный. Даже Степану они были в диковинку, поскольку доселе столь наглядного проявления позиционной войны он не видел. Инженерная мысль не стояла на месте, постоянно придумывая все новые и новые виды маскировки. С фронта огневые точки при-

крывались деревянными заслонами, сделанными в несколько рядов, промежутки между которыми засыпались грунтом. Снаружи все это сооружение искусно обкладывалось дерном, чтобы создать у неприятеля полное впечатление обычно зеленого холма. Для наблюдения и ведения огня оставались лишь небольшие, тщательно замаскированные амбразуры. Такими же заслонами в ряде мест сверху перекрывались и сами траншеи.

Для несущих боевое охранение солдат в стенках окопов откапывались укрытия, где те могли отдохнуть прямо на соломе, брошенной на землю. Каждая такая примитивная землянка вмещала по шесть человек. Перед гостями фронтовики не преминули похвалиться недавно захваченным во время вылазки немецким пулеметом — новым, делавшим до 420 выстрелов в минуту. Хватало и иных впечатлений. Батюшка, например, неумоимо собирал осколки снарядов, гильзы, шрапнельные стаканы, то и дело приговаривая, что это теперь ему «на всю жизнь, на всю жизнь запомнится». Фурманов же тем временем разговорился со Степаном. Он, как видно, тянулся к нижним чинам.

— Ну а ты, братец, чего здесь делаешь? Среди офицеров-то? Я сначала тебя за денщика принял, а потом понял, что ошибся.

— Да я и сам не знаю, ваше благородие, для чего меня сюда потянули. Только недавно на землю родную вернулся. Сначала в полоне австрийском был, затем у союзников обретался. Думал, хоть на побывку домой отпустят, а тут вишь, какая незадача.

— Что ж, с отпусками сейчас действительно проблема. Их больше ловкачам каким-нибудь дают, чем честным солдатам. Одному ухарю пришла телеграмма, будто отец его при смерти лежит. Ну и отпустили. Как не пустить-то? Чай, все мы люди. А потом выяснилось, что отца у того уже лет двенадцать как в живых нет. Начальство веру в людей и потеряло. Вот так из-за одного подлеца отпуска по семейным причинам больше никому не дают.

— Беда. Так я вить не по семейным обстоятельствам. Слышал, будто по возвращении из полона побывку должны давать.

— Тут я ничего не могу тебе сказать. Может, и дадут.

— Будем ждать. А еще у меня вопрос к вам, ваше благородие. Что это за форма на вас такая чудная? Никогда прежде не видел.

— Это, братец, форма земского союза. Неумные люди нас еще «земгусарами» называют. Хотя, с другой стороны, я и сам все чаще убеждаюсь, что первоначальный благородный порыв, давно, к сожалению, выродился во что-то иное. Не скажу за всех, но многих в первые дни войны влекла в союзы именно идея. Хотелось, презрев опасности, помогать ближнему своему. Только скоро выяснилось, что никакой особой романтики на войне нет, а есть грязь, кровь, человеческие страдания. Сам был свидетелем тому, как в санитары-добровольцы по ходатайству сверху зачислялись совершенно случайные люди. Единственная их ценность заключалась в том, что они являлись чьими-то родственниками или хорошими знакомыми. Разумеется, пользы от подобных работников не было совершенно никакой. Зато они преспокойно сидели вдали от фронта, да еще и получая неплохие оклады. Когда же мы с другими санитарями указали на подобное несоответствие, то нас и слушать никто не стал.

— Да, вона как... — выслушав этот крик души, покачал головой Степан. — Дурость, она везде все портит.

Вскоре «младореформаторы» убедились, что вернувшийся из-за границы солдат никакой ценности для них не представляет и резко потеряли к нему интерес. Степана направили, как и первоначально планировалось, к новому месту службы.

В Царицыне Воинцев в первый раз увидел Хлебникова. Конечно, тогда Степан еще не знал, что перед ним знаменитый поэт, а также по совместительству «Председатель Земного шара» и прочая, и прочая. Просто из окружающей толпы солдат 93-го запасного пехотного полка ратник неополчения II разряда Виктор Хлебников выделялся как высоким ростом, так и несколько отстраненным выражением лица человека «не от мира сего». Слово погруженного в какие-то свои, глубоко сокровенные мысли. Ну и, разумеется, совершенно нестроевым видом. Хлебников не мог никак приноровиться шагать в ногу, постоянно путался в командах и, что самое страшное с точки зрения вышестоящего начальства, периодически забывал отдавать честь. А за это полагалась незамедлительная гауптвахта. Не шибко складывались отношения у поэта и с товарищами по казарме. Будь Хлебников помладше, то его в полку, несомненно, затравили бы. А так — просто относились как к своеобразному юридивому.

Потому неудивительно, что поэт с видимым воодушевлением воспринял появление человека, только недавно вернувшегося из-за границы. Пускай и не шибко грамотного и в делах искусства почти ничего не смыслившего. Соответственно, ни о какой тесной дружбе между ними не могло идти и речи. Хлебников, невзирая на свалившиеся на его голову армейские злоключения, все равно держался несколько свысока. Он вполне заслуженно считал себя гением и человеком, добившимся в жизни чего-то. Пусть это «что-то» и ограничивалось участием в коллективных полублюбовительских сборниках, издававшихся ничтожным тиражом. Это, впрочем, совсем не мешало Степану относиться к поэту с известной долей благоговения. Ведь тот был «баринном», да еще и «образованным»! Одно титулование чего стоит! «Король времени Велимир I»! Не абы кто!

Хлебников же искренне считал, что солдатчина способна попросту убить в нем поэта. И это в те дни, когда загадка «законов времени», казалось, приблизилась к полному своему разрешению! За неимением иных собеседников заросший бородой мечтатель щедро делился своими выкладками и идеями со Степаном.

— Виктор Владимирович, — однажды робко спросил тот, — а каким оно будет, наше будущее?

— Конечно, прекрасным! — экспансивно воскликнул поэт. — Все, буквально все должно измениться! Ведь научно-технический прогресс открывает перед нами широчайшие возможности! Возьмем, к примеру, архитектуру. Неужели мы и дальше будем жить в спрессованных в пределах улиц и словно слитых воедино домаккрысятниках?! Разумеется, нет! Развитие новых технологий приведет к тому, что каждый сможет выбирать себе жилье по собственному вкусу. Представь только — дом-качели!

— Как это?

— Очень просто! Берется домик и подвешивается на тросах меж двух опор! И плавно раскачивается в такт дуновению ветра!

— Интересная идея. А мутить, извиняюсь, не будет?

— Ну... — Хлебников на мгновение задумался. — Ну, это же не для всех! Для моряков там или мыслителей. Да и вообще. Дом будущего, скорее, будет напоминать железный остов. Или каркас, к креплениям которого станут прикрепляться передвижные стеклянные домики-каюты. Человечество таким образом полностью удовлетворит свою страсть к путешествиям. И ездить по белу свету ты будешь не сам лично, а вместе с собственным жильем! Особенно если каюты эти сумеют сделать летающими. Тут и вовсе горя мало! Надоело тебе, например, в Москве — так не беда! Отстыковался от своего места в общем доме-каркасе и лети себе, положим, в Амстердам. Или в Рим. А там тебя уже ждут.

— Звучит, конечно, прекрасно, но осуществимо ли на практике? Как в той же Италии смогут узнать о моем прибытии?

— Ну, это и вовсе проще простого! Не забывай, дорогой друг, о современных технологиях! При полете к любому выбранному городу связываешься по радио с местным регулировщиком или диспетчером и сообщая о своем желании временно пожить у них. А тот, в свою очередь, указывает тебе номер башни со свободным местом. И все! Спокойно пристыковываешься и гостить, сколько душа пожелает. Радио — это вообще великая вещь. И в будущем, судя по всему, роль его будет исключительно велика. Передача новостей со всего мира, мгновенная связь между людьми, живущими на разных континентах, передача изображения по радиоволнам, да мало ли еще что... Даже дух захватывает!

Суровая действительность, впрочем, иногда властно вторгалась во все эти прекраснотушние мечтания. Спустя неделю после этого разговора Хлебников загремел в лазарет. А еще через несколько дней в расположении полка появился молодой человек, разыскивавший поэта. Степан в это время вместе с остальными солдатами участвовал в обычном воскресном параде, проходя строем по расположенному в двух верстах от города импровизированному плацу, и о случившемся узнал не сразу. Приезжего звали Дмитрием Петровским. Это был один из прежних друзей Хлебникова, специально приехавший в Царицын. Отыскав наконец поэта в лазарете, он сразу же увел того в город. Там на трамвайной остановке обоим повеселилось встретить еще и архитектора и художника-новатора Владимира Татлина. И тут же, не сговариваясь, экзотическая тройца договорилась провести совместную лекцию в местном Доме науки и искусств. Все хлопоты по ее устройству взял на себя Петровский. Однако командование полка, и так косо смотревшее на чудачества Хлебникова, наотрез отказалось отпустить того на выступление, посвященное собственному творчеству. Пришлось «королю времени» прибегнуть к банальнейшей самоволке. Впрочем, для того чтобы «не дразнить гусей», договорились, что основную часть лекции будет вести Петровский, а Хлебников при нужде станет подсказывать из-за кулис. Но подобная конспирация, разумеется, никого не могла ввести в заблуждение. Присланные из полка фельдфебели и унтер-офицеры прекрасно знали, где следует ловить сбежавшего поэта.

Лекция, в привычно вызывающем футуристическом стиле называвшаяся «Чугунные крылья», состоялась 25 мая 1916 года. Арендованный под выступление зал был практически пуст. Внутри сидели лишь полковые шпионы, намеревавшиеся прихватить Хлебникова, что называется, на месте преступления, да несколько местных городских сумасшедших. Да и впрямь, о каком футуризме могла идти речь, если всего три года назад солдаты тогда расквартированного в Царицыне 187-го Аварского пехотного полка после мытья в бане стали развешивать свое выстиранное белье прямо на оголенные электрические провода?! Двоих убило током. Сразу же после этого по всему городу прошли манифестации с красноречивым лозунгом «Долой электричество!» А вы о каком-то там будущем...

Пошел на лекцию и Степан. Причем, в отличие от прочих, — по личному приглашению Хлебникова. Да и увольнительная весьма кстати подвернулась.

Открывший выступление Дмитрий Петровский сразу начал говорить о вещах поистине невероятных:

— Все мы сейчас, без преувеличения, находимся на пороге величайшего открытия в истории человечества! Впервые появилась возможность постичь законы такого, казалось бы, неуловимого процесса, как время. Да, да, не смейтесь. Именно так. Согласно вычислениям, опубликованным выдающимся пророком современности, поэтом, мыслителем и математиком Велимиром Хлебниковым в его труде «Время — мера мира», течение времени, как видно из названия, тоже подчиняется определенным числовым закономерностям. На данный момент открыто лишь

несколько основополагающих чисел, и мы, по сути, находимся еще только в самом начале пути. Тем не менее даже предварительные наброски способны дать поистине потрясающие результаты. Судите сами. Первым в этом ряду по праву стоит число 365 или «год богов». Почему — объяснять, думаю, не стоит. А вот вторым по значимости в изучении законов времени следует признать число 48. История его возникновения пока до конца не выяснена, но важность не вызывает никаких сомнений. Ведь именно путем отнимания 48 от 365 было получено третье эпохальное число 317. Его еще можно назвать «колебательными волнами». Именно оперируя числом 317 и его производными, наш гениальный современник Хлебников заложил первый кирпич в основу изучения и упорядочения единого закона времени. Не верите? А зря. Приведу лишь несколько примеров из общеизвестных фактов мировой истории. В 665-м и 31-м годах до нашей эры соответственно Египет покорили ассирийский царь Ашшурбанипал и Юлий Цезарь. Но эти события отстоят друг от друга на 634 года или ровно на 317, умноженное на 2! Идем далее. Великий поход Наполеона в Россию состоялся спустя 951 год после набега варягов на Царьград, тоже, кстати говоря, окончившегося неудачей. Но число 951 тоже есть 317, умноженное на 3...

И так далее, в том же духе. Впрочем, иногда Петровского — а вернее, Хлебникова, чей свистящий шепот отчетливо доносился из-за кулис, — откровенно заносило. Среди его многочисленных цифровых выкладок встречались, например, и такие: «В 1911 году в Швеции было 317, помноженное на 95, финнов и норвежцев!» В завершение вечера пару слов о своем творчестве, а также о законах «формы и веса» сказал и Владимир Татлин. В целом лекция прошла достаточно ровно, однако без некоторого конфуза обойтись все же не удалось. Когда по окончании выступления был поднят занавес, чтобы Петровский и Татлин смогли пройти за кулисы, перед зрителями во всей красе предстал не успевший спрятаться Хлебников. Таким образом, к длинному списку его дисциплинарных проступков автоматически прибавился еще один.

В полной мере осознав это, «король времени» решил махнуть на все рукой и вместо явки с повинной в полк продолжил вечер в гостинице, где остановился Петровский: «Семь бед — один ответ!» Помимо его и хозяина, туда же отправились и Татлин со Степаном, купив по пути чайной колбасы, ситного хлеба и дешевого красного вина.

Войдя в скромно обставленный номер, Хлебников снял фуражку и задумчиво произнес:

— Да, только в таких местах я и чувствую себя по-настоящему свободным. Слово путешественник, приехавший в незнакомый город. Гостиница помогает сохранить иллюзию утраченной свободы. Вот так посидишь здесь и поневоле забудешь, что утром тебя опять ожидает казарма с ее потоками ругани и кулачной учебы. А вообще, если честно, никакого будущего для себя в армии я не вижу. Ну разве что мне дадут какую-нибудь очень интересную службу? К примеру, на воздушном корабле «Илья Муромец». О подвигах наших авиаторов так увлекательно пишут! Да и, по-моему, будущее — именно за покорением неба!

— Вполне возможно. Но не в такой форме, как сейчас, — покачал головой Татлин — подобно Хлебникову, человек громадного роста со светлыми волосами и простым выражением лица. — Слишком уж нынешние аэропланы смахивают на тупиковый путь развития воздухоплавания.

— Почему?

— Ну, посуди сам, Велимир. Что в современных «фарманах» и «моранах» от птиц? Да ровным счетом ничего! Обшивка жесткая, а у птиц, напротив — оперение мягкое, пластичное. Оттого они и могут парить часами, практически не затрачивая усилий! Вот я и хочу, основываясь на их анатомии, создать совершенно

новый летательный аппарат. Легкий и гибкий, в котором человек не будет празднично сидеть в кожаном кресле, а располагаться лежа, подобно пловцу. И управлять руками и ногами!

— Хм, а какой же двигатель будет стоять на вашем аппарате? — наконец отважился подать голос Степан, целиком захваченный разворачивавшейся перед ним новой грандиозной мечтой.

— Ясное дело, что не бензиновый! Я полагаю, что педального привода, при всей легкости конструкции, будет более чем достаточно! Типа как на велосипедах. И летать на нем следует учить сразу с восьмилетнего возраста. Словно птенцов, ставить детей, так сказать, на крыло! Пусть привыкают! Вот когда у каждого будет свой собственный летательный аппарат, тогда мы и придем к светлому будущему!

— Полностью с тобой согласен, Володя! — незаметно подмигнул остальным Хлебников. — А как же ты планируешь назвать свой чудо-аппарат?

— Как? Ну хотя бы «Летатлин»!

— Звучит оригинально. Это получается производное от слова «летать» и твоей фамилии?

— Получается, так, — скромно потупился художник.

— Хвалю. Жаль только, что ни одного экземпляра «Летатлина» пока не построено. Придется проситься на «Илью Муромца»...

Разговор этот имел весьма необычные последствия. Отсидев в очередной раз на гауптвахте, Хлебников подбил Степана составить ему компанию в написании рапорта о переводе в эскадру тяжелых бомбардировщиков. Получив его, командир полка чуть не лишился рассудка:

— Да они что, шутки шутить вздумали?! — задыхаясь от душившего его гнева, воскликнул тот. — Хороши авиаторы, ничего не скажешь! Один толком в ногу до сих пор ходить не научился, другой тоже хорош с его церковно-приходской школой! И они еще о нашей гордости — эскадре «муромцев» заикаются! Ничего себе! Да надо мной вся армия смеяться будет, если я таких клоунов туда направлю! Нет, нет и еще раз — нет!

Хлебников, впрочем, если честно, на иной ответ и не рассчитывал. Поэтому он параллельно с неудачной попыткой завербоваться в авиацию обратился к своему другу и соратнику по футуристическому движению Николаю Ивановичу Кульбину, имевшему приравнивавшийся к генеральскому чин действительного статского советника с просьбой о признании себя невменяемым. И тот незамедлительно начал действовать. В конечном итоге у поэта и впрямь обнаружили «состояние психики, которое никоим образом не признается врачами нормальным», и отправили для дополнительного обследования в земскую больницу в Астрахань. А Степан с очередным маршевым пополнением отправился на фронт...

Единственное, в чем порадили бывалому солдату в Царицынском воинском присутствии, заключалось в том, что приписали его к 26-му Могилевскому пехотному полку, входившему в состав «родной» 7-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцировавшейся в Воронеже. Правда, перебрасывалась она на усиление другой армии — 11-й, но это было не суть важно, поскольку прежний командующий 8-й армии генерал Алексей Алексеевич Брусилов тоже пошел на повышение и сейчас возглавлял весь Юго-Западный фронт. Так что воевать Степану предстояло практически в тех же самых местах, что и полтора года назад, да и к тому же с хорошо знакомым начальством. Вот только время стало иным.

Едва попав в действующую армию, Степан начал замечать первые признаки растущего недовольства, пока еще, правда, тлеющего под спудом. Нижние чины

откровенно устали от войны. Да и в качественном составе войска заметно изменились. Если в прежнее время на службу призывали только после строжайшего отбора, то сейчас гребли практически всех. За исключением, разумеется, явных инвалидов. Ну и тех, у кого хватало денег и связей для того, чтобы откупиться от передовой. Не в лучшую сторону изменилось и продовольственное снабжение. О щедрых пайках первого периода войны теперь вспоминали с умилением. Шутка ли, по тогдашним нормам только на одного солдата действующей армии полагалось три фунта хлеба, фунт мяса и полфунта сала. Вот уж действительно, ешь — не хочу! В шестнадцатом году о подобном изобилии можно было только мечтать. Лишь по большим праздникам серьезно урезанная порция мяса поднималась до привычной фунтовой нормы. Иногда к ней прибавлялись еще и фунт подсолнечных семечек, одна селедка и полуфунтовая белая булка.

Другим откровением для вернувшегося из чужих краев Степана стало то, что стране не удалось достичь полного единения, необходимого для окончательной победы. Царь так и не отважился ввести во всей империи военное положение. И результат не заставил себя ждать. Армия на передовой истекла кровью, в то время как в тылу практические беспрепятственно работали рестораны, кафешантаны и прочие увеселительные заведения. Гремела музыка, и лишь шампанское по причине сухого закона заменялось разносимым в чайниках спиртом. В карты и рулетку спускались огромные состояния, нажитые на военных поставках. С трибуны, превратившейся в настоящее гнездо оппозиционеров Государственной Думы, постоянно неслись антиправительственные лозунги. А власть ничего не могла поделать! Царь Николай честно старался угодить всем, почти не прибегая к репрессивным мерам. Так что люди день ото дня все больше убеждались в откровенном бессилии верховной власти. А прибавьте к этому еще и полную вседозволенность прессы. Во многих газетах чуть ли не открытым текстом писалось о бездарных генералах и прямой измене, свившей себе прочное гнездо у трона Романовых. Будто бы всеми делами там заправляет не безвольный царь, а немка-царица в компании с разудалым хлыстом Гришкой Распутиным, около которых так и выются многочисленные иностранные шпионы. Мокнувшие в окопах и бросаемые в бесплодные кровопролитные атаки простые солдаты внимательно слушали подобные сплетни. В бой идти они пока не отказывались. Но только — пока.

Между тем, пока Степан мок и мерз в окопах, лейтенант Пиньоли, отнюдь не забывший своего боевого товарища, пусть и отправившегося на далекую родину, написал письмо в итальянскую миссию при Ставке русского Верховного главнокомандующего, обязанности коего, как известно, в конце 1915 года возложил на себя не кто иной, как император и самодержец всероссийский Николай II. Да и в самой итальянской миссии произошли серьезные кадровые перестановки. Весной 1916 года прежнего представителя — полковника Марсенго — сменил другой полковник (позднее генерал-адъютант) граф Ромеи Лонгена. Русские офицеры, впрочем, памятуя о бессмертной трагедии Шекспира, звали его попросту Ромео.

Новый глава миссии и получил письмо Пиньоли, в котором тот просил установить точное местонахождение бывшего военнослужащего вспомогательных частей итальянской армии Степана Воинцева. Заявлялась долгая и нудная переписка с различными армейскими, корпусными и дивизионными штабами. В конечном итоге Степана отыскали и в торжественной обстановке вручили ему письмо из Италии. И он даже успел написать растроганному лейтенанту обстоятельный ответ. Мол, жив, здоров, воюю — с приложением неперемных «кланяюсь» и «спешу сообщить». И завертелось.

Без сомнения, вся эта эпистолярная эпопея запомнилась и самому графу Ромеи. По крайней мере, он крепко держал ее в голове, когда 7 октября 1916 года в

сопровождении подполковника Ориго и капитана Альбертини прибыл в расположение 64-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса, входившего в состав 8-й армии русского Юго-Западного фронта.

Высокопоставленных визитеров встретил временно исполняющий обязанности начальника генерал-майор Андрей Евгеньевич Снесарев — будущий известный теоретик и геополитик с воронежскими корнями — родился в семье священника в селе Старая Калитва Стругожежского уезда. Встреча прошла на самом высшем уровне (то есть выпито было немало!). Граф Ромей изъявил желание посетить передовую линию, где и попал под обстрел на наблюдательном пункте, что привело темпераментного (и не вполне трезвого) итальянца в полный восторг. Дальнейший банкет, впрочем, решили продолжить в более безопасном месте.

64-я дивизия в то время занимала позиции в Лесистых Карпатах. Естественно, за столом речь просто не могла не зайти и о специфике ведения горной войны. Союзники на все лады расхваливали своих доблестных альпийских стрелков.

— Да, в нашей армии таких специализированных частей пока нет, — подытожил внимательно слушающий Снесарев — между прочим, окончивший с отличием физико-математический факультет Московского университета. — А иметь их было бы полезно. Не всегда же на равнине приходится воевать. Как сейчас, например. А наши гвардейские егеря только по плацу маршировать и привыкли. Какие уж там горы! Чего уж тогда о матушке-пехоте говорить? Ей и вовсе тяжело приходится. А ведь могли бы на штурм перевалов специальных горных стрелков послать. Но где их взять? Ведь, повторюсь, ни соответствующего опыта, ни подходящих инструкторов у нас не имеется.

— Ну, это дело поправимое, — пожал плечами Ромей. — Особенно насчет опыта. У вас, по-моему, в 11-й армии служит один человек, успевший повоевать в Доломитовых Альпах вместе с нашими горными батальонами «Валь-Чизоне» и «Валь-Кордеволе».

— Из эмигрантов, что ли?

— Нет, обычный солдат. Попал в австрийский плен где-то здесь, в Карпатах, и был впоследствии освобожден нашими альпийцами после вступления Италии в войну. А потом вернулся домой.

— Хм, любопытно... — строго задумался Андрей Евгеньевич.

Снесарев полученную от итальянцев информацию хорошо запомнил, и она уже вскоре ему пригодилась.

Два дня спустя 64-я дивизия сменила соседнюю 78-ю на позициях в районе знаменитого «Орлиного гнезда» — узкого горного выступа, глубоко вдававшегося в расположение австрийских войск и позволявшего держать под постоянным обстрелом занятый противником город Кирлибаба. Гребень этот несколько высокопарно величали еще и «перстом, указующим на Вену». Чего уж поделывать, любили наши военачальники громкие слова! Если же говорить серьезно, то «Орлиное гнездо» представляло собой очередной «Выступ Мартини». Только в больших масштабах. Естественно, как и в Доломитах, австрийцы не могли смириться с его существованием. Обложив выступ почти со всех сторон, они непрерывно подвергали его артиллерийскому обстрелу. С остальными позициями дивизии «Орлиное гнездо» соединялось лишь посредством узкой скальной перемычки, поэтому постоянно существовала опасность полной изоляции находившегося там 2-го батальона 253-го Перекопского пехотного полка. Оттого и приравнивался он чуть ли не к гарнизону осажденной крепости!

Туда и решил направить генерал Снесарев затребованного по его срочному запросу нижнего чина Степана Воинцева. Пускай опытом делится, раз толк в горной войне знает!

Для того же вызов на новое место службы оказался совершенно неожиданным.

Только-только начал привыкать к очередным боевым товарищам — и тут на тебе. Но ничего не попишешь, солдат — существо подневольное: куда пошлют, туда и идет. Сборы тоже оказались недолгими. Да и какое имущество на войне? Вещмешок увязал, ложку за обмотку засунул — и готов. Скатку и ту по причине дождливой погоды носить не надо. Шинель и так пригодится.

От Смолявы до Брязы расстояние не столь и большое. Поэтому в расположении 253-го пехотного полка Степан очутился достаточно быстро. И опять попал, что называется, как пресловутый кур в пресловутые щи. Или в ощип. Тут уж кому как нравится.

19 октября после полудня австрийцы подвергли «Орлиное гнездо» сокрушительному артиллерийскому обстрелу. Сила огня была настолько велика, что двое солдат, не выдержав, сошли с ума. Даже Степан, уже побывавший в серьезных переделках и многое повидавший на войне, и тот было решил, что пришел его последний час. Пихты и ели, вырванные с корнем, подбрасывались вверх и приземлялись на собственные кроны. Кругом разлетались огромные камни и валуны, блиндажи и окопы ровнялись с землей. Оставалось лишь лежать, бессильно закрыв голову руками, сотрясаясь от близких разрывов и горячо шептать любые, пришедшие на ум молитвы. Казалось, что ничто живое не сможет уцелеть в этом аду. Тем не менее собственные потери 2-го батальона оказались на удивление невелики — всего двое убитых и пятнадцать раненых.

— Н-да, хорошо же здесь гостей встречают! — нашел в себе силы пошутить Степан, отряхивая всю засыпанную землей гимнастерку.

Еще более ожесточенную атаку гарнизону крепости довелось пережить 23 октября. Тут уж австрийцы одним обстрелом, начатым в восемь утра, не ограничились и ринулись на штурм. С превеликим трудом его удалось отбить, однако передовую линию окопов пришлось оставить. Все равно она в буквальном смысле слова была перепахана вражескими снарядами и завалена трупами — своими и чужими.

А австрийская канонада не стихала. Противник явно готовился к повторному натиску. Его артиллеристы предусмотрительно держали под губительным огнем вышеупомянутую перемышку, соединявшую «Орлиное гнездо» с дивизией, не давая перебросить по ней никаких подкреплений.

Вторая атака последовала в полдень, третья — в три часа. Она оказалась самой тяжелой. Штыковая докатилась почти до самого штаба батальона. Прикрывавшая его 8-я рота погибла почти вся, но позиций не оставила. Полуразрушенные окопы многократно переходили из рук в руки, и все же к вечеру остались за русскими. От усталости оставшиеся в живых защитники выступали еле держались на ногах. Людям требовался отдых, батальону — пополнение, а главное — необходимо было в спешном порядке расчистить и привести в порядок засыпанные землей окопы.

Контратака при поддержке заградительного огня дивизионной артиллерии состоялась на следующий день и сразу же принесла ощутимые плоды. Австрийцев, морально сломленных неудачными штурмами, удалось и вовсе отбросить подальше от «гнезда».

Не забывая своих подчиненных и генерал Снесарев. 20 и 26 октября он вместе с начальником штаба дивизии полковником Соллогубом лично посетил выступ, награждал отличившихся, побеседовал с солдатами. Недаром те сочинили о своем комдиве простую и несколько бесхитростную песню:

Пусть враги на скалах диких!
Нам не страшен пушек рев.
Ведь для подвигов великих
С нами вождь наш Снесарёв!

Поговорил он и со Степаном, однако быстро понял, что, кроме самых общих положений, тот ничего о службе на высокогорье не знает. Да и странно было бы ожидать иного от рядового солдата, простого подносчика снарядов! Невзирая на столь разочаровывающий результат, генерал по-прежнему имел на прикомандированного нижнего чина определенные виды. Тем более что в начале декабря подходил к концу срок временного исполнения Снесаревым обязанностей начальника 64-й пехотной дивизии.

Однако до этого его подчиненным предстояло провести еще одну боевую операцию. 15 ноября в 11.00 после артиллерийской подготовки они пошли на штурм высоты 1307, занятой противником. И вновь повторилась та же история: высоту взяли, но удержать не смогли. К тому же начал накрапывать мелкий дождь. Повторную атаку решили перенести на следующий день, заодно изменив и ее цели. Теперь дивизии предстояло штурмовать и непременно занять высоты 1318 и «Голый пуп». Примечательное название!

Утром 16 ноября слегка подморозило, и в воздухе после вчерашнего дождя повис густой туман. От промозглой сырости, словно разлитой повсюду, Степана бил постоянный озноб, казался, пробиравший до самых костей. Стоя в окопе, он то и дело дул на красные, озябшие ладони, сдвинув винтовку к плечу или в сгиб локтя. Из рта клубами вырывался пар. Ничего не изменилось и после сигнала ротного. Солдаты полезли на бруствер вяло, недружно, поминутно чертыхаясь и оскальзываясь на покрытых инеем камнях. От былой молодецкой удали не осталось и следа. Да и устали они порядком.

Поняв, что атака грозит провалиться, вперед устремился сам начальник штаба дивизии полковник Соллогуб. Однако его вскоре ранили в голову, и наступательный дух русских окончательно угас. Они вернулись в свои окопы, так и не сумев закрепиться на захваченном было «Голом пупе». Но он же — голый! Шутка, конечно. Если же говорить серьезно, то даже за столь невнятный результат генерал-майор Снесарев оказался удостоен очередного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия III степени. Офицерского Георгиевского креста, короче говоря. Солдатам же, по большому счету, кресты достались деревянные...

6

Между тем подошел к концу и срок временного исполнения генералом Снесаревым должности начальника 64-й пехотной дивизии. 9 декабря он сдал все дела своему преемнику, неделю спустя тепло распрощался с подчиненными и на следующий день выехал в Каменец-Подольск. Следовало подумать и о новом назначении. Впрочем, относительно него у генерала имелись кое-какие задумки. Оттого и взял он Степана с собой в Петроград.

В столицу империи оба (в компании еще и с генеральским денщиком Яшкой) они прибыли на поезде 23 декабря 1916 года. Первым делом Снесарев, разумеется, отдохнул в кругу семьи, которую уже не видел порядком времени, и лишь потом занялся своими служебными делами. Сказать по правде, после боев в Карпатах и бесед с представителями итальянской военной миссии у него окончательно оформилась идея о необходимости создания в русской армии специализированного горного подразделения. Для подкрепления своих доводов генерал и взял Степана с собой. В качестве своеобразного живого свидетеля, так сказать. Одновременно Снесарев рассчитывал, что создать, а затем и возглавить новое соединение поручат именно ему. Однако в Генштабе к данной затее отнеслись без особого восторга, ограничившись только расплывчатыми фразами, за которыми явно проступал решительный отказ.

Генералу-то что? Нет так нет. Взял под козырек и отправился домой, другого

назначения ждать. А Степану? Ясное дело, что ему придется в окопы возвращаться, но вот куда? В 7-ю пехотную дивизию или 64-ю? А может, лучше сразу в родную 14-ю? С котлового-то довольствия его везде пока сняли.

С такими невеселыми мыслями Воинцев и направился в местное воинское присутствие, невольно ощупывая в кармане сопроводительные бумаги, составленные генералом Снесаревым. И тут его неожиданно окликнули:

— Стефано! Руссо!

Обернувшись, Степан, к своему немалому изумлению, увидел приближавшегося к нему, широко раскинувшего руки Амфитеатрова.

— Узнал? — пророкотал Московский Фауст и оглушительно расхохотался. — Не зря же говорят, что только гора с горой не сходятся. А я, брат, тоже на Родину вернулся. Хоть в Италии и хорошо, а дома лучше. Ну а тебя какими судьбами в Питер занесло?

— Да вот за новым направлением иду.

И Степан в двух словах рассказал журналисту о своих приключениях.

— Тю! А ты что? Растерялся?

— Да не то чтобы... Просто не знаю, куда на этот раз служить пошлют.

— Ты, братец, главное, не спеши. Попробуем твоему горю помочь...

И Амфитеатров опять порадел. Еще в 1911 году, в бытность редактором и фактически руководителем журнала «Современник», он привлек к сотрудничеству, а потом и подружился с известным всей тогдашней читающей России поэтом Сашей Черным (в миру — Александром Гликбергом). Оба в определенной степени были близки к масонским кругам. Хотя почему, собственно, близки? Едва очутившись за границей, находившийся в оппозиции к царскому правительству Александр Амфитеатров не преминул вступить в парижскую ложу «Космос». Саша Черный стал масоном гораздо позднее. Тем не менее многие считают, что именно благодаря покровительству второго брата — наставника московской ложи «Возрождение» князя Оболенского — поэту удалось перевестись из штаба 5-й армии сначала в госпиталь дворцового ведомства в Гатчине, а затем и в расположенный во Пскове 18-й полевой запасный госпиталь. Там он исполнял обязанности палатного надзирателя. Водил Черный дружбу и с главным врачом госпиталя коллежским советником Држевецким. Так что совсем неудивительно, что свое очередное назначение Степан получил именно в Псков. «Тук-тук!» — как любили говаривать тогда «вольные каменщики».

К новому месту службы Воинцев прибыл в самый канун Рождественского сочельника. В госпитале ему сообщили, что ни главного врача, ни палатного надзирателя Гликберга здесь нет, однако подсказали адрес, по которому их можно было найти. Путь к незнакомому дому проходил вдоль скованной льдом реки Псковы. Врано потемневшем небе блистали яркие декабрьские звезды. Свистел холодный, пронизывающий ветер. Степан, поневоле замедлив шаг, даже залюбовался окружающей природой. Настоящая ночь накануне Рождества!

Дом «тети Вали» оказался довольно вместительным особняком. Едва войдя внутрь, предварительно обстучав снег с сапог, Степан сразу же услышал возбужденный гул множества голосов и увидел сваленную в передней целую кучу шуб и шапок. Осознав, что нечаянно нагрянул на самое натуральное торжество, солдат смутился и постарался было выйти вон. Однако хозяева и гости, по преимуществу фрондирующая интеллигенция, не позволили ему это сделать. Многие из них все еще исповедовали трогательную идею полного единения с простым народом. А тут такая оказия! Оттого представителя этого самого народа потянули сквозь зал, в котором возвышалась украшенная игрушками и сверкающими огнями елка, и усадили за накрытый традиционными рождественскими кушаньями стол. Главное место на нем занимали кутья с маком и узвар из сушеных груш. Хватало и

иных блюд и напитков. В том числе и запрещенного по случаю «сухого закона» вина. Так что обстановка за столом была веселой и непринужденной.

Поэт и по совместительству палатный надзиратель Саша Черный оказался худощавым, несколько нескладным человеком лет под сорок, с ироничным выражением лица и почти сплошь посеребренными ранней сединой висками. По-видимому, пребывал он в хорошем настроении. По крайней мере, много шутил и смеялся. Ну и охотно поддерживал разговор на самые возвышенные темы. Похоже, прошедшие два с половиной года страшной войны, так и не смогли до конца убить некоторых прекраснодушных мечтаний этого поэта. Вот и сейчас, хлопнув пару рюмок замечательной мадеры, он оседлал своего излюбленного конька.

— Вы знаете, как не избито это звучит, но надо нести искру просвещения в простой русский народ. Приобщать к искусству, литературе. Вот, например, у нас в госпитале священник отец Василий читает раненым Гоголя. И это просто замечательно! Но ведь одним Николаем Васильевичем наша литература отнюдь не ограничивается. Можно же и что-нибудь поактуальнее солдатам давать. Чехова там или Максима Горького. Вот вы на передовой о них хоть краем уха слышали? — заинтересованно обратился Черный к Степану.

— О ком? — чуть не поперхнулся узваром тот.

— Ну, о Чехове. Или о Максиме Горьком.

— Про первого, честно признаться, не слышал. А вот Максима Горького в окопах прекрасно знают. Здорово же нам от него достается!

— От кого? От Максима Горького?!

— Ну да. Так у нас разрыв шрапнели называется.

— Ой, молодцы! Складно придумали! — рассмеялся поэт. — Знал бы Алексей Максимович, как чтут его полемический талант на фронте! Раньше голоса писателей к набатному колоколу приравнивали, а теперь, получается, к артиллерийскому разрыву. Прогресс на месте не стоит!

— Какой еще Алексей Максимович?

— Ну, Пешков. Так его на самом деле зовут. А Максим Горький — это псевдоним.

— Понятно. Сложно все у вас тут...

— Где? В тылу?

— Да.

— Так и на передовой, по-моему, не легче. К войне-то как там у вас относятся? По-прежнему — «до победного конца»?

— Нет, — отрицательно мотнул головой несколько расслабившийся Степан. — Скажу вам, как на духу, ваша милость, заканчивать надо. Устал народ. Как бы чего не вышло.

— Вот-вот! — опять оживился Черный. — Я об этом давно говорю. К чему эта кровь, страдания? Взяли бы все да разом крикнули: «Не хотим больше воевать»!

— А как такое крикнешь? — криво усмехнулся Степан. — На это, чай, военно-полевой суд существует.

— Нет-нет! Вы меня не поняли. Я имею в виду всех, кто на фронте гибнет. И наших, и немцев, и австрийцев. Надо, чтобы они все разом крикнули! Одновременно. Тогда и войне конец придет.

— Звучит, конечно, хорошо, но явно несбыточно... — вздохнул Степан.

Сама пирушка закончилась только под утро. А потом опять потянулись обычные служебные будни. По ходатайству уведомленного Амфитеатровым Саша Черного зачислили Степана санитаром все в тот же 18-й полевой запасный госпиталь, занимавший помещение древних Поганкиных палат. Вообще во Пскове все словно дышало исконной русской стариной. А вот сама новая служба давалась Степану довольно непросто. Как выяснилось, он не мог спокойно смотреть на постоян-

ные страдания, пусть и совершенно незнакомых людей. Да и хороши обязанности для здорового мужика — подкладные судна из-под раненых вытягивать! Нет, этим пусть лучше недоучившиеся студенты занимаются! Которым на фронт до дрожи попасть не хочется! Оттого и старался Степан побольше на работы по хозяйственному снабжению напрашиваться: мясо, молоко и масло у окрестных крестьян получать, извозом заниматься.

Ситуация усугубилась 2 февраля, когда главного врача госпиталя доктора Држевецкого перевели в управление военных сообщений штаба Северного фронта. Сашу Черного тот вскоре тоже перетащил за собой. Степан остался в окружении почти чужих людей и поневоле затосковал.

Между тем в стране назревали серьезные события. Вскоре по воле случая в их эпицентре оказался и Псков с его окрестностями. К началу 1917 года династия Романовых перестала устраивать практически всех.

В 23.40 второго марта после прибытия в Псков посланцев Государственной Думы Шульгина и Гучкова Николай II подпишет Манифест об отречении, но не в пользу сына, а в пользу брата Михаила. На следующий день от престола откажется и тот. Династия пала...

Вскоре после революционных событий Степан наконец добился своего, подав прошение о переводе в действующую армию самому главнокомандующему войсками Северного фронта генерал-адъютанту Рузскому. Тот, впрочем, слушал его не очень внимательно. Оно и понятно. Ситуация в стране начала складываться не совсем так, как планировали включившиеся в заговор против императора военные. Если честно, то мыслили они слишком узкими категориями, оттого и оказались обведенными вокруг пальца своими недавними союзниками из числа либеральной интеллигенции, захватившими власть в феврале 1917 года. Вот те, напротив, в отличие от генералов, о политике думали постоянно и терпеть каких-либо сильных конкурентов отнюдь не собирались. Потому едва ли не первыми шагами новоявленного Временного правительства стал решительный слом всей прежней системы управления. В отставку отправились многие губернаторы и градоначальники. А вскоре за ними последовали и наиболее влиятельные и популярные командующие армиями и фронтами. Пример Наполеона Бонапарта, на гребне революции вышедшего из военной среды, а потом захватившего власть, был еще достаточно показателем для образованной части общества. Потому «думцы» и стремились не допустить ничего, даже близко подобного.

А тут еще этот непонятный Совет рабочих и солдатских депутатов, шустро возникший, чуть ли не одновременно с новым правительством. Именно ему принадлежала инициатива издания отменявшего всякое чиновничество и тем самым сыгравшего роковую роль в жизни армии «Приказа №1». Дисциплина в частях начала стремительно падать. И хотя первоначально пресловутый приказ предназначался только для войск Петроградского гарнизона, в скором времени о нем узнала и вся армия. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кресло под генералом Рузским ощутимо зашаталось. В фигуральном смысле слова, разумеется. Немудрено поэтому, что слушал он Степана весьма поверхностно. И лишь после ухода солдата Рузский словно встрепенулся и спросил у своего начальника штаба генерала Данилова (Черного):

- А чего он, собственно, хотел?
- Вернуться на фронт, Николай Владимирович.
- Похвальное желание! А в какую часть? Я, признаюсь, о своем думал.
- На Юго-Западный фронт, это я точно запомнил. А вот насчет части...

Надо сказать, что Степан, на свою голову, упомянул о наличии в 14-й пехотной дивизии, помимо 1-й пехотной, еще и 2-й гренадерской бригады. В которую, соб-

ственно, и входил его 56-й пехотный Житомирский полк. И вот сейчас оба генерала, пребывавшие уже в летах, с трудом припоминали об этом.

— По-моему, он просился в какую-то гренадерскую дивизию, — наконец, твердо произнес Данилов.

— Да? А какие у нас есть на Юго-Западном фронте?

— 3-я гренадерская! В 25-м армейском корпусе.

— Вот туда его и пошлем! Пишите предписание...

Так Степан неожиданно-негаданно очутился в рядах 9-го гренадерского Сибирского генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка. Упомянутое шефство, впрочем, довольно скоро было снято. Давали знать о себе новые, революционные веяния. На фронте стояло относительное затишье. Расквартированный на территории Луцкого уезда Волынской губернии полк занимался рутинными работами по укреплению и дальнейшему обустройству собственных позиций. Поскольку подоспела ранняя весна с ее бурным таянием снегов, то из окопов и ходов сообщения постоянно приходилось откачивать воду. Солдаты ходили в ватниках, заляпанных грязью сапогах и лихо заломленных папахах. Дисциплина еще поддерживалась, пусть и не надлежащем уровне. По крайней мере, командование полка было вынуждено периодически напоминать солдатам о соблюдении самых простейших гигиенических требований и так далее.

В 1917 году Пасха пришлась на 3 апреля. Как и в прежнее время, солдаты любовно выстроили из еловых ветвей полевую церковь. Образ Спасителя для нее написал прапорщик Нечаев. Однако вместо привычной аббревиатуры БЦХ (Боже, царя храни) повсюду виднелись надписи типа «Свободные граждане». Да и музыканты полкового оркестра выступали теперь не иначе, как под красными знаменами. Пробудилась Русь!

После заутрени, отслуженной полковым священником отцом Константином Бोगоявленским, состоялось разговение. Прямо на земле расстелили брезент, на котором расставили ящики и лукошки с крашеными яйцами, разложили присланные из тыла палки чайной колбасы, а добровольцы из солдат принялись сноровисто резать на куски большие, пятифунтовые куличи. Не обошлось и без традиционных развлечений. Под звуки разухабистой «ливенки» и всевозможных дудок и сопелок в команде связи отплясывали лихую «Камаринскую» и распевали наскоро сочиненные частушки. Чуть поодаль разносились звуки едва толком разученной «Марсельезы». В общем, у всех кружилась голова!

Попеременно, то откусывая от солидного ломтя кулича с зажаристой корочкой, то прихлебывая из железной кружки выданное по особому случаю мутноватое молодое вино, Степан вспоминал все праздники, которые ему довелось пережить на войне. Начать, пожалуй, можно с Нового года. Особенно — первого, из военных. В декабре 1914 года 14-я пехотная дивизия, в которой он тогда проходил службу, стояла в заснеженных Карпатах. Неожиданно в ночь с 19 на 20 декабря со стороны австрийских позиций донеслись возгласы радости, в небо взлетели десятки осветительных ракет. Потом загрохотала артиллерия. Впрочем, вопреки ожиданию, пала она тоже в воздух. Недоумение русских длилось до тех пор, пока один из «образованных» не вспомнил:

— Так ведь сегодня австрияки Новый год празднуют! Сильвестр, по-ихнему!

Действительно, австрийские немцы, чехи, хорваты, да и венгры тоже праздновали Новый год по григорианскому календарю. От принятого в России юлианского, в двадцатом веке, он отличался на тринадцать дней. Однако в армии империи Габсбургов служили еще и униаты или греко-католики, такие как русины, гуцулы или румыны. Вот у тех как раз Святки совпадали с православными. Поэтому вплоть до Крещения на фронте установилось затишье. Обе стороны чистили бес-

прерывно сыпавший снег, занимались укреплением стен блиндажей и окопов. Ну и праздновали, само собой!

Вообще, весна 1917 года запомнилась многим ощущением сплошного праздника. Сколько впереди было надежд и ожиданий! Большие и малые торжества и памятные даты, казалось, шли бесконечной чередой. Вслед за Светлым Христовым Воскресением на горизонте явственно замаячил Первомайский праздник трудового народа. Впервые в бывшей империи Романовых его готовились отметить на государственном уровне.

В полосе Особой армии основные праздничные мероприятия состоялись в уездном Луцке. Довелось побывать на них вместе с делегацией от полка и Степану. Впервые очутившись на Замковой площади, он едва не оглох от грохота многочисленных духовых оркестров и разноголосого гула огромной человеческой толпы. В глазах буквально рябило от обилия красного цвета. Всевозможные банты, знамена и транспаранты реяли над головами. Увы, но корень будущих разногласий, похоже, закладывался уже здесь. Начертанные крупными буквами лозунги словно спорили друг с другом: «Война до победного конца!» и «Долой войну!», «Вся власть Советам!» и «Да здравствует Временное правительство!» И наконец венчавшее все: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С площади толпа солдат в пятнадцать-двадцать тысяч человек переместилась на лагерное поле. Никаких заранее подготовленных трибун не было. Все желающие выступали прямо с телег или открытых кузовов грузовиков. Собравшиеся то и дело взрывались аплодисментами. Причем хлопали всем. Лишь бы говорили побойчее да обильно уснащали свою речь звонкими «р-р-революционными» фразами.

Между тем одно только это являлось первым тревожным симптомом грядущего развала армии. Весной Юго-Западный фронт начал готовиться к проведению запланированного еще в конце прошлого года летнего наступления. По всем прикидкам состояться оно должно было в июне. Однако почти сразу выяснилось, что теперь войскам уже недостаточно просто приказать. Их требовалось еще и уговорить! Потому и зачастили в действующую армию всевозможные высокопоставленные визитеры во главе с самим Главнокомандующим Керенским, немедля иронично прозванным «Главноуговаривающим».

Солдатики, расстегнув крючки шинелей, слушали да мотали себе на ус. Наступать-то они, в конечном итоге, вроде бы согласились. Но это решение было принято в безопасном тылу и не под гром немецких пушек...

По сравнению со своими соседями к лету 1917 года Румынский фронт еще сохранял некоторую боеспособность. Обуславливалось это, прежде всего, тем, что пребывал он в относительной изоляции от остальной армии с ее революционными веяниями. Да и номинальное командование здесь осуществлял румынский король Фердинанд. Входили в состав фронта и остатки разбитых и заново переформированных румынских войск, лишь при помощи русских сумевших закрепиться на жалком клочке собственной территории. Тем не менее, постоянно поддерживаемые французами король Фердинанд и его генералы еще пытались, образно выражаясь, «качать права» и отстаивать собственное мнение. В конечном итоге, по их настойчивым требованиям Румынский фронт должен был перейти в решительное наступление на реке Нижний Серет с целью отвоевания утраченной Валахии. Реальный командующий — генерал Щербачев — с этими планами согласился, сделав основную ставку на подвергнувшуюся меньшему развалу артиллерию. Остальные войска пришлось в прямом смысле слова уговаривать. Так, например, 6-я

армия лишь после долгих и зажигательных речей согласилась, наконец, участвовать в наступлении.

Артиллерийская подготовка началась 9 июля. Два дня спустя в атаку пошли 2-я румынская и 4-я русская армии. Поначалу им даже сопутствовал некоторый успех. Однако вмешались обстоятельства иного порядка. Наступавший правее, вконец распропагандированный Юго-Западный фронт, сначала замедлил свое продвижение, а потом и вовсе рухнул под напором немецких и австро-венгерских войск. «Самая свободная армия в мире» превратилась в зараженное паническими слухами дезорганизованное стадо. О каком-либо планомерном отступлении не могло идти и речи. Солдаты попросту побежали с боевых позиций.

В таких условиях совсем потерявший голову председатель Совета министров Временного правительства Керенский своей телеграммой приказал остановить всякие наступательные действия. В том числе и на Румынском фронте. Тщетно начальник штаба и командующий пытались скрыть ее содержание от вверенных им войск. Посредством солдатских комитетов приказание Керенского быстро распространилось среди всех русских частей. И они незамедлительно отказались сражаться. Румыны продолжили наступление в одиночку. Но о прежних масштабах, разумеется, теперь можно было только мечтать.

Буквально накануне столь грозных событий Степан и прибыл в свою «родную» 14-ю пехотную дивизию. Встреча, откровенно говоря, оказалась невеселой. Почти никого из прежних боевых товарищей он уже не застал. Да и странно было бы ожидать иного. Как-никак три года войны отгремело. И какой войны! Разбросала судьба людей по белу свету. Кто убит, кто ранен, кто в плен угодил, а кто и попросту дезертировал.

В этих боях неуклонно растущее число раненых пополнил и Степан. Не успел он, перекрестившись, вылезти из окопа для отражения очередной немецкой атаки, как тотчас потерял сознание от разорвавшегося неподалеку снаряда. Осколками посекло правое бедро и сжимавшую винтовку руку. На счастье Степана, все кости и крупные сосуды остались целы.

После выписки из госпиталя он наконец побывал в родных краях. Пусть и в самом конце войны. Ко времени его прибытия в Воронеж 5-й запасный пулеметный полк являлся самым крупным воинским подразделением из числа расквартированных в городе. История его возникновения довольно любопытна. К лету 1917 года в Воронеже находились 58-й и 59-й пехотные запасные полки, составившие основное ядро 8-й пехотной запасной бригады. Оба они стремительно левели, представляя собой самую благоприятную почву для всевозможной пацифистской агитации партии большевиков. Однако после известных июльских событий, когда Временное правительство сумело ненадолго вспомнить о своих прямых обязанностях и показать, «кто в доме хозяин», 58-й полк в полном составе удалось отправить на фронт. Располагавшийся же в Чижовских казармах, на тогдашней окраине Воронежа, 59-й полк, подвергнув серьезной чистке, решили и вовсе переформировать в 5-й пулеметный запасный. Но тут, что называется, хотели как лучше, а получилось — сами знаете, как. Взамен отправленных на фронт наиболее революционизированных солдат на пополнение новой части прислали пулеметчиков из тыловых сибирских гарнизонов. Оказалось, впрочем, что они заражены большевизмом еще в большей степени! Сменили, получается, шило на мыло...

Разумеется, очередное пребывание Степана в запасном полку разительно отличалось от того, что было в начале, да и в середине войны. Во-первых, буквально на глазах падала дисциплина, достигнув, пожалуй, своего низшего предела. На занятия никто не ходил. Вместо этого солдаты либо массово посещали всевозможные митинги, либо попросту шарились по городу в поисках каких-никаких при-

работков. Последнее было далеко не лишним, поскольку и с продовольственным снабжением дело в полку обстояло весьма туго. Зачастую приходилось довольствоваться простой чечевичной похлебкой. Хорошо еще если из дома кому-нибудь прислали немного сала! Помимо случайных заработков и мелочной торговли, многие из солдат, особенно старших возрастов, настойчиво просились в отпуск на время полевых работ. В самом деле, на носу жатва, а в деревнях одни бабы, старики да дети малые! Однако соответствующее прошение ратников ополчения из пеших дружин командование гарнизона оставило без ответа.

Это и ему подобные решения в еще большей степени усиливали рознь, возникшую между рядовым и офицерским составом. Дошло до того, что многие командиры неделями не появлялись в своих частях! И высшие, и низшие чины фактически образовали некие замкнутые клубы «по интересам». Никто тогда и не подумал о том, что незнание настроений солдатской массы вполне может оказаться фатальным для всей верховной власти. Зато это прекрасно понимали агитаторы различных политических партий, всячески старавшиеся заручиться поддержкой многотысячного гарнизона города. Как правило, основные митинги проводились в Доме народных организаций. Так несколько выпренок стал называться бывший губернаторский особняк, после февральской революции реквизируемый под нужды Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Ходил слушать выступления местных и заезжих говорунов и Степан. Да не один, а построившись повзводно, вместе с товарищами из своей и остальных рот полка! Поначалу с непривычки у него просто шла кругом голова. Да и к тому же многие из выступающих говорили слишком сложно, совершенно не учитывая уровень образования солдатской массы. Особенно часто подобным грешили представители кадетов (конституционных демократов). Хотя с другой стороны, они особо и не стремились заигрывать с «чернью», позиционируя себя, в первую очередь, как партию профессоров и адвокатов. О робкой пропаганде монархистов нечего и говорить. Их престиж после отречения Николая II упал очень низко. Гораздо большей благосклонностью среди солдат пользовались партии левых взглядов. Но и тут требовалось известное время, чтобы понять, кто куда клонит. Большевики упирали на солидарность с европейскими социал-демократами, «священной коровой» эсеров был крестьянский вопрос, большевики с придыханием вещали о пролетариате. Но не только.

Из всех вышеперечисленных, пожалуй, именно последователи Ленина были самыми цепкими и к тому же беспринципными. Они первыми поняли, что для захвата власти все средства хороши, и начали говорить с народом простым и понятным языком. Никаких реформ, платформ, Учредительного собрания! «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим, мир — народам!» И все. Точка. Казалось бы, что может быть проще? В подробности никто не вдавался. Лидеры большевиков цинично понимали, что наобещать можно чего угодно. Главное — взять власть. А там разберемся. И в этом было их главное отличие от своих недавних соратников меньшевиков. Те, будучи более образованной и интеллигентной частью социал-демократической партии, попали в ловушку европейского парламентаризма и, словно волки перед красными флажками, никак не могли поступиться принципами, завоеванными в феврале 1917 года. Большевики же действовали проще и грубее. Они не стеснялись кардинально менять правила игры, если это, в конечном итоге, приводило к выигрышу.

Показательной в подобном плане выглядела история с голосованием на заседании Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем фракция большевиков в связи с угрозой, исходившей от казачьих отрядов наказного атамана Войска Донского генерала Каледина, предложила создать Военно-революционный комитет. Причем состав его трактовался весьма узко. В комитет предполагалось

включить по два представителя от эсеров и большевиков и по одному — от левых эсеров и железнодорожников. Естественно, что остальные социал-демократы не могли согласиться с таким ущемлением их прав. В противовес большевикам, правые эсеры и меньшевики выдвинули идею создания более расширенного органа — Комитета общественной безопасности. После бурных прений, оба предложения были поставлены на голосование. И пусть с незначительным перевесом, но победил проект эсеро-меньшевистской коалиции. Тогда большевики ничтоже сумняшеся объявили решение Совета контрреволюционным и оставили за собой право не подчиниться ему. И свой комитет все равно создали. То есть, если на заседании Совета проходит большевистская резолюция, то хорошо, а если нет — так долой его!

Об Октябрьском перевороте в столицах, впоследствии переименованном в социалистическую революцию, в Воронеже стало известно лишь три дня спустя, преимущественно из газет, поскольку местный Союз почтово-телеграфных работников находился под сильным влиянием меньшевиков и эсеров и потому старался не давать в руки своих политических противников столь серьезного козыря. Однако долго замалчивать правду о событиях в Петрограде и Москве не получилось. Получив достоверные известия о революции, местные сторонники Ленина тоже активизировались. Вечером 29 октября в Доме народных организаций состоялось экстренное собрание военной организации большевиков. На нем был поднят вопрос о возможном вооруженном захвате власти и в Воронеже. Однако не дремала и противоположная сторона. По иронии судьбы, права свергнутого Верховного «главноуправляющего» Керенского, заслужившего всеобщее презрение в армейской среде, собрались защищать именно представители высших военных чинов города — начальник 8-й пехотной запасной бригады полковник Вознесенский и командир 5-го пулеметного запасного полка полковник Языков. Но опереться им, за исключением немногочисленных офицеров гарнизона, было не на кого. Тогда 29 октября по распоряжению Вознесенского в город прибыл кавалерийский эскадрон размещенного в Лисках 4-го кавалерийского запасного полка. И вечером того же дня удалось разоружить и состоявшую из пожилых ратников ополчения 682-ю пешую дружину. Но на этом успехи защитников Временного правительства и закончились.

Противостоял же им целиком 5-й запасный пулеметный полк. Всю ночь в его расположении кипела лихорадочная работа. Набивались ленты, раздавалось оружие, снаряжались полевые кухни и санитарные двуколки. Поскольку практически все офицеры исчезли из казарм и примкнули к организации Языкова и Вознесенского, то всеми делами в полку заправлял комиссар ревкома большевик Шалаев. По его приказу готовились сразу несколько отрядов для захвата вокзала, почты, телеграфа, а также штаба 8-й пехотной запасной бригады.

Разумеется, шила в мешке утаить не удалось. Полковник Языков, узнав о готовившемся его подчиненными вооруженном выступлении, утром 30 октября дважды звонил в полк с требованием оставаться в казармах и не предпринимать никаких противоправных действий. Однако все его приказания прозвучали лишь гласом вопиющего в пустыне. Да и странно было бы ожидать иного от части, где офицеры общаются с рядовыми лишь посредством телефонной связи! Слишком прочной оказалась стена, отделявшая их от нижних чинов.

В 8.30, когда скрывать дальнейшие намерения было уже бессмысленно, вооруженный отряд в полторы тысячи человек двинулся по дороге, ведущей в город со стороны Чижовки. Стояло тусклое октябрьское утро. Над землей стелился редкий предрассветный туман. В числе рот, выделенных для захвата штаба бригады, шагал с винтовкой наперевес и Степан. Поддерживал ли он платформу большевиков? Скорее да, чем нет. Слишком соблазнительно для вчерашнего крестьянина звучал их лозунг «Земля — крестьянам» и особенно «Мир — народам»! После бо-

лее чем полугодичной агитации (не только большевистской) война для него давно потеряла всякий смысл. Да и к тому же Степан прекрасно видел, что порядка в стране нет, и втайне мечтал о приходе крепкого хозяина и возвращению к прежней, налаженной и упорядоченной жизни.

У штаба бригады пулеметчиков уже ждали. Однако силы были слишком неравны. Да и что могли поделывать триста офицеров и кавалеристов против полутора тысяч? В память Степана впечаталась лишь истерический, очевидно, от чувства собственного бессилия, выкрик Языкова:

— Пулеметный полк! Стой!

Никто и не думал останавливаться. Нервы у всех были напряжены до предела, и вскоре хлопнул первый выстрел. Неизвестно, кто его произвел, однако он послужил своеобразным сигналом. Разгорелась суматошная и беспорядочная перестрелка. Офицеры тотчас постарались укрыться в здании штаба, а пулеметчики залегли. Впрочем, продлилась баталия недолго. Стоявшие во дворе штаба кавалеристы решили, что с них хватит, и выбросили белый флаг. Без их поддержки сопротивление защитников прежней власти оказалось быстро сломлено. К тому же, пока длилась перестрелка, многие из офицеров благоразумно предпочли ретироваться через задние дворы. В их числе оказался и полковник Вознесенский. Впоследствии ему удалось пробраться на Дон, к атаману Каледину. Полковник же Языков, сопротивлявшийся до последнего, был убит на месте, как и еще четыре офицера и двое солдат.

Новоявленных противников после разоружения тогда еще предпочитали отпускать по домам. Арестовывали лишь немногих.

Захватив власть в Воронеже, равно как и в других российских городах, большевики в первые же дни столкнулись с проблемой массовой самодемобилизации армии. Отовсюду раздавались недобольные солдатские голоса: «Обещали “мир — народам”, вот и нечего! Повоевали! Будя! Отпускайте по домам!» Напрасно лидеры ревкомов и полковых комитетов драли горло об опасности контрреволюционного и буржуазного окружения. Никто их слушать не желал. По домам — и баста! И тогда кто-то подал идею отправить делегацию в Петроград. Если уж не к самому Ленину, то к другим вождям. Мол, пускай они и объяснят, какой линии придерживаться в дальнейшем. Распускать ли армию полностью или подождать? Да и остальными инструкциями по текущему моменту запастись было бы полезно. Официально, в число «ходовков» было отобрано три человека. По одному от большевиков, левых эсеров и беспартийных. Однако анархия в полку оказалась настолько велика, что наряду с ними в столицу отправились и несколько «сопровождающих». С самыми различными целями. Поехал в Питер и Степан. Просто так, от чистого любопытства. Хотелось хоть одним глазком на новое правительство взглянуть. Что это за люди, которые ни царя, ни Керенского в грош не ставят? Да и скучно просто так, без дела, в полку сидеть. Все равно ведь домой не отпускают!

В Петроград воронежская делегация прибыла 12 ноября 1917 года. В былом державном граде еще не улеглись недавние разброд и шатания. В прокуренных и заплеваных подсолнечной шелухой коридорах бывшего Смольного института благородных девиц толклось множество народа. Зачастую в одной кабине находились по два-три наркомата новорожденной республики Советов. Первоначально воронежцев принял один из руководителей Военной коллегии Константин Мехоношин. Впоследствии сюда же подошел и Николай Подвойский. Последний одно время вообще позиционировал себя в качестве фактического главы Наркомвоена (Народного комиссариата по военным делам).

И для Мехоношина, и для Подвойского стало приятной неожиданностью то, что в Воронеже также произошел инспирированный большевиками вооруженный переворот.

— Очень хорошо! — потирая руки, воскликнул Подвойский. — Значит, массы на нашей стороне! А вы не могли бы написать об этом статью для петроградских газет?

— Что ж, написать можно, — пожал плечами представитель делегации от партии большевиков, бывший оружейный мастер 5-го пулеметного запасного полка Бакулин. — А с демобилизацией как? Что людям-то говорить?

— Вопрос этот чрезвычайно сложный, — вмешался в разговор Мехоношин. — Постарайтесь удержать солдат от самовольных уходов домой. Немцы ведь мир пока еще не подписали. Всякое может случиться.

— Как же их удерживать?! Разве только силой оружия? Да и то, чай, не старая власть!

— Ну, не знаю. Уговаривайте. Пайки продуктовые обещайте. Призывайте еще немного потерпеть, до окончательной победы над контрреволюцией. Вам же с Дона может Каледин угрожать! Вот на это и упирайте.

Дальше беседа пошла в гораздо менее напряженном ключе. Между прочим, Бакулин представил обоим руководителям Наркомвоена Степана, как Итальянца. Именно такое прозвище Воинцев заработал за короткое время пребывания в полку. И тут же пояснил историю его возникновения.

— Вот как? Интересно, — совсем по-иному взглянул на Степана Подвойский. — Так значит, были в Италии и во Франции? И язык знаете?

— Только итальянский. И то немного, — смутился столь пристальному вниманию солдат.

— Это не страшно. Ценно еще и то, что вы и опыт военный имеете. А такие люди нам нужны! Не все же на бывших царских специалистов опираться! Надо и собственные кадры растить. Поэтому я и приглашаю вас перейти на службу к нам, в Питер.

— Да я, право, не знаю. Как-то все неожиданно...

— Тьфу, дурной! Чего теряешься? — толкнул Воинцева в бок Бакулин. — Что ты в своей Украинской Буйловке забыл? А тут вон какие возможности!

— В самом деле, батенька, соглашайтесь, — подражая Ленину, мягко произнес Подвойский. — В стране, похоже, тяжелые времена наступают. А у нас твердая и гарантированная оплата, пайки, квартиры. Да и навыки ваши, смею надеяться, в будущем должны пригодиться. Поскольку с союзниками бывшими мы связи окончательно терять не намереваемся. Пока, по крайней мере. Авось и вас удастся в переговорах с итальянской миссией с какого-либо боку задействовать.

И Степан согласился.

Сразу же после получения первых известий о начавшихся в Брест-Литовске мирных переговорах между правительствами Советской России и Германской империи все посольства прежних союзных держав по Антанте приняли незамедлительное решение покинуть Петроград и через Вологду и Архангельск выбирать в себе на родину. Официальной причиной для этого стало опасение возможного немецкого плена. Ведь тогда еще никто не мог точно сказать, где остановится стремительно продвигавшаяся вперед германская армия. И станет ли она соблюдать зыбкую демаркационную линию или двинется еще дальше, оккупировав, в конечном итоге, не только Петроград, но еще и Москву? Подобный вариант рассматривался весьма серьезно. Причем, на самом высоком уровне. Недаром в среде большевистских лидеров раздавались отдельные голоса о переносе столицы и вовсе в Нижний Новгород! Мол, туда немцы точно не дойдут. Войск не хватит!

28 февраля 1918 года после долгих консультаций и переговоров с Совнаркомом

и собственными правительствами из Петрограда выехали представители британских, французских, итальянских, бельгийских, сербских, греческих и португальских посольств и военных миссий.

Этим поводом и решили воспользоваться сотрудники недавно созданной ВЧК, в чью задачу, помимо собственно карательных, входили также и разведывательные, и контрразведывательные функции.

По распоряжению чуть ли не самого товарища Дзержинского, Степан, еще не успевший толком обжиться в Питере, был незамедлительно прикреплен к красноармейскому отряду, предназначенному для охраны итальянской (равно как и прочих) военной миссии. Свои глаза в чужой епархии, знаете ли, не помешают! Сыграло свою роль, несомненно, и относительное знание Степаном итальянского языка.

Тем не менее путь на север не обошелся без некоторых приключений. Да и странно было бы ожидать иного от того поистине безумного времени! Первоначально эшелон с союзниками намеревался пересечь территорию Финляндии, ранее, как уже говорилось, входившую в состав Российской империи. Но это, увы, это оказалось невозможным. В самой Финляндии уже всюю полыхала собственная гражданская война. Красные финны сражались с белыми. Последние при этом охотно прибегали к помощи не только отдельных немецких инструкторов, но и целых воинских подразделений. В таких условиях для союзных представителей гипотетический германский плен легко мог превратиться в реальный.

Лишь после нудных и нервных переговоров финны, наконец, согласились пропустить поезд через Сортавалу на Петрозаводск, откуда он попал на Тихвин-Череповецкую ветку, по которой и прибыл в последних числах марта в Вологду. Началось четырехмесячное посольское «сидение». Поскольку Вологда всеми рассматривалась исключительно как временное пристанище, то представители Антанты даже и не пытались подыскать подходящие помещения в городе и жили прямо в вагонах, постепенно обрастая нехитрым житейским скарбом. Питались они преимущественно консервами, что по условиям тогдашнего голодного времени считалось вполне сносной пищей. Не бедствовали и поставленные на довольствие к дипломатам красноармейцы. Так что Степану, можно сказать, повезло с новым местом службы.

Донимало только одно — скука. Очень уж томительно тянулись долгие северные вечера. Ничего особенного в Вологде не случалось. От грохотавших в стране событий сюда докатывались лишь слабые отголоски. Некоторое разнообразие внесило входящее в негласное задание наблюдение за жизнью посольской колонии. Довольно скоро дипломаты разделились на два совершенно противоположных по своим взглядам лагеря. Наиболее ярким представителем одного из них был французский посол Жюзеф Нуланс. Он ратовал за немедленную союзную интервенцию, свержение засевших в Кремле «узурпаторов» и продолжение войны с Германией. Американский же посол Дэвид Френсис поначалу решительно высказывался против всякого вмешательства во внутренние дела Советской России. Другие посланники, исходя из собственных предпочтений (и тайных инструкций своих правительств, разумеется), примыкали либо к той, либо к иной стороне.

Понемногу налаживался и быт. 19 апреля по предложению городского головы Александрова французское посольство переехало с вокзала в особняк на улице Екатерининско-Дворянской. Итальянская миссия разместилась в доме Никуличева на углу Козленской и Галкинской улиц, английское вице-консульство — в доме Дружинина. Американское же посольство, прибывшее еще раньше и на другом поезде, квартировало в роскошном особняке Пузан-Пузыревского. Помимо улучшения бытовых условий, иностранные дипломаты могли гораздо спокойнее чувствовать себя и в ином плане. Еще 6 марта 1918 года с борта английского лин-

кора «Глори» в Мурманске высадился первый отряд из ста пятидесяти морских пехотинцев с двумя орудиями. Делалось это под предлогом охраны военного имущества, поставленного союзниками и с целью недопущения захвата его немцами. Днем позже к «Глори» присоединился английский же крейсер «Кокран», а 18 марта — и французский «Адмирал Об». Теперь союзники могли переходить к решительным действиям.

3 апреля в Вологде состоялась конференция с участием послов США, Италии и Франции совместно с главами миссий, военными атташе и капитаном английской армии Гарстином. На ней было принято принципиальное решение о необходимости японской интервенции на Дальнем Востоке. Против высказался лишь уже упомянутый посол США Френсис. Но здесь он, очевидно, ратовал скорее за интересы своей державы в данном регионе. Согласились союзники и с дальнейшим расширением интервенции на Севере.

Вместе с тем весьма любопытные события развивались и далеко за пределами России. Вскоре после Октябрьского переворота представители русской военной миссии в Италии прервали всякие отношения с Генеральным штабом, вставшим на путь сотрудничества с большевиками. Да и после заключения Брестского мира в дальнейшей их работе при Главной итальянской квартире не было никакого смысла. 1 марта 1918 года миссия покинула Падую, а ее бывшие сотрудники занялись устройством своей дальнейшей карьеры. На родину из них пока никто возвращаться не собирался. Прежний военный агент полковник Энкель еще 28 февраля добился перевода в сербскую армию, а назначенный уже Временным правительством новый представитель генерал Миллер принялся ратовать за скорейшее создание в Италии «Союза возрождения России в единении с союзниками».

Данный факт не мог не встревожить Советское правительство. Появление еще одного контрреволюционного заграничного центра было ему совсем ни к чему. Вот тогда в Совнарком и вспомнили о недавно назначенном на должность начальника штаба бывшей Ставки Верховного Главнокомандующего генерале Бонч-Бруевиче, кстати говоря, брате ближайшего сподвижника Ленина. Чем не лучшая рекомендация? Ему и поручили настоятельно разобраться в том, что сейчас происходит в Италии. Задание, только на первый взгляд кажущееся простым. Дело в том, что у генерала попросту не было надежных сотрудников для отправки на Апеннинский полуостров. Офицера, пусть и согласившегося сотрудничать с большевиками, не каждого пошлешь. Вдруг да и перебежит к тому же генералу Миллеру? Бывали уже прецеденты. В лояльности же профессиональных революционеров, еще до войны многократно поездивших по Европе, напротив, никто не сомневался. Но в военном деле они были откровенными профанами. Да и состояли на учете, несомненно, если не в иностранной контрразведке, так в тайной полиции.

При таком раскладе появление Степана для Бонч-Бруевича было настоящим подарком судьбы. О его существовании генералу подсказал вездесущий Подвойский, хоть и частенько ругавшийся со «старорежимным» военспецом, однако готовый иногда для пользы дела поступиться принципами.

И Бонч-Бруевич срочно затребовал Воинцева к себе. Кандидатура была и впрямь со всех сторон подходящая. Воевал на Итальянском фронте, достаточно знает язык, награжден «Бронзовой медалью за военную доблесть» (за «Выступ Мартини»). Опять же — не офицер. Политике большевиков сочувствует. Чем не агент? Дело оставалось за малым — уговорить. Или заставить. На последнее генерал рассчитывал больше, психологически верно угадывая внутренний пиетет вчерашнего нижнего чина перед ним — «Его Превосходительством»! Так оно и вышло. Пропали надежды Степана на скорую мирную жизнь после демобилизации. Да и, если честно, кто особо интересуется личным мнением простого винтика государственной машины? Надо — и все тут! Нечего рассусоливать!

Для Степана же предложение вернуться обратно в Италию прозвучало словно гром среди ясного неба.

— Как же я снова туда попаду? — удивленно спросил он.

— Ну, это дело нехитрое! — подбодрил солдата генерал. — Обратись к представителю итальянской миссии. Делла Торретта, по-моему, его зовут?

— Так точно. Пьетро Томази делла Торретта. Маркиз!

— Вот. И заявишь, что хотел бы повидать старых боевых товарищей. Ну и приложить посильно руку к полному разгрому австрийских оккупантов. Тебе, как обладателю их почетной боевой награды, отказать, думаю, не должны. Только, смотри, сразу в армию не просись! А то зачислят рядовым, и пиши — пропало! Много не сможешь узнать. Лучше постарайся держаться при войсках. Если, конечно, получится. Мы, то есть старые генштабисты, постараемся дать тебе соответствующие рекомендации. Что ты отпускаешься в Италию в качестве представителя не большевиков, а нашей военной организации. Они же там спят и видят, когда нынешние военспецы наконец переворот против Совнаркома затеют! Так что не унывай! Примут тебя за границу, если не с распростертыми объятиями, но и не совсем плохо. Как первую весточку от организаторов грядущего антисоветского восстания! Да и что тебе в России сейчас делать? Опять в армии служить? Да-да, братец, не удивляйся. О мирной жизни на ближайшее время можешь смело позабыть. Вон сколько врагов у Советской власти объявилось. Значит, опять нам придется армию создавать. Красную...

Со стороны маркиза делла Торретта, как и предвидел Бонч-Бруевич, особых возражений не возникло. Он только порекомендовал Степану сразу нарядиться в итальянскую военную форму, нацепить на грудь медаль и поменьше разговаривать по-русски. Во избежание возможных негативных последствий. В Италии сейчас после заключения Брестского мира на каждого русского смотрят как на пораженца и агента большевиков. Могут и освиistaa. А тайная полиция и вовсе особое дело заведет. Так что лучше ему заблаговременно написать своему старому приятелю капитану (уже — капитану) Пиньоли для получения соответствующей рекомендации. Это явно не помешает. Ну и он, Торретта, тоже постарается дать самый благоприятный отзыв о стремящемся на фронт простом русском солдате. Как это трогательно и благородно!

Итальянская форма подходящего размера отыскалась в Романове-на-Мурмане. Туда как раз в придачу к англичанам и французам начали прибывать солдаты союзнического экспедиционного корпуса. А уже оттуда Степан отправился дальше морем — вокруг Скандинавии. «Господи, и занесла же нелегкая! — кристался он, приговаривая про себя, при виде истлестанных ветром угрюмых гранитных скал норвежских фиордов. — Тут и без всякой войны ни за грош пропасть можно!»

Плавание, к огромному облегчению, закончилось в Кале. А впереди ждал Париж. Столица Франции, несмотря на нахождение в относительном тылу, кое-где серьезно пострадала от разрушительного действия дальнобойной немецкой артиллерии. Невзирая на это, город по-прежнему жил своей привычной жизнью. Если не считать, конечно, обилия солдат сразу нескольких армий мира, заполонивших его улицы. Кстати, здесь Степан впервые воочию увидел так много американских солдат в их гетрах и форменных широкополых шляпах. Соединенные Штаты подготовились к войне основательно. Переброшенная за океан их миллионная армия была снабжена всем необходимым. Вплоть до автофургонов с «Кока-колой»!

Другим, давно позабытым зрелищем для Степана стала откровенно ласкающая взгляд картина повсеместной воинской дисциплины. Солдаты ходили опрятные, чистые. Не забывали своевременно отдавать честь встречавшимся по пути офицерам. После приключившейся в апреле 1917 года жуткой «бойни Нивеля» Фран-

ция тоже пережила полосу солдатских мятежей. Однако нигде они не достигли такого размаха, как в нашем родном отечестве.

Из Парижа поезд доставил Степана в Милан. В Италии к гостю из большевистской России поначалу отнеслись откровенно подозрительно. Однако наличие наград и безупречных рекомендаций постепенно сделали свое дело. Да и ходатайства Торретта и отыскавшегося на фронте Пиньоли пригодились. А тут Степан, не будь дураком, как бы между слов упомянул еще и имена Амфитеатрова и Саши Черного. В конечном итоге командование итальянской армии разрешило ему пребывание на передовой. Причем не отправило прямиком в боевые части, а прикомандировало к многочисленному корреспондентскому корпусу. Это давало определенные преимущества. Воинцев мог теперь выбирать, куда стоит поехать, а куда — нет. Что, собственно говоря, ему и надо было!

9

Между тем, вновь очутившись на итальянской земле, Степан первым делом приметил множество изменений. Да и линия фронта теперь проходила далеко в глубь страны от мест хорошо ему знакомых. В октябре прошлого 1917 года Италия тоже очутилась на краю пропасти, однако, в отличие от России, сумела устоять. Причины этому были все те же. И в первую очередь — усталость от самой войны. Если на русском фронте, помимо страшных поражений, случались и блистательные победы, подобные Галицийской битве, Брусиловскому прорыву или штурму Эрзерума, то в долине реки Изонцо изо дня в день, из месяца в месяц происходило одно и то же. А именно — бесплодные и кровопролитные атаки на заранее подготовленные австрийские укрепления. За два с половиной года здесь состоялось одиннадцать (!) итальянских наступлений, так и не приведших к положительному результату. Ничтожные территориальные успехи оплачивались многими тысячами человеческих жизней. Настоящая мясорубка!

Немудрено, что, в конечном итоге, моральный дух итальянской армии оказался сломленным, и когда на помощь к тоже порядком обескровленным австрийцам пришли гораздо лучше вооруженные и организованные немцы, то подданные короля Виктора-Эммануила III не выдержали и просто побежали. Грозивший перерасти в полную катастрофу прорыв фронта произошел 24 октября у местечка Капоретто. Итальянцы разом потеряли не только отвоеванные таким трудом километры чужой территории, но и порядком собственной земли. Лишь неимоверными усилиями, казалось, неудержимое продвижение немецких и австрийских войск удалось остановить на линии реки Пьяве и горной системы Грапша, за которой, собственно, и начиналась сама итальянская равнина.

Это сокрушительное поражение, по сути, стало лебединой песней прежнего Главнокомандующего генерала Луиджи Кадорны, с почетом отправленного в отставку. А ведь альпийские стрелки в свое время даже песню о нем сочинили: «И Кадорна послал сказать, что здесь, на границе, он нуждается в альпийцах, чтобы двинуться вперед». Но теперь все это осталось в прошлом. Новый Главнокомандующий — генерал Армандо Диаз — деятельно принимался наводить в армии порядок. Одним из предложенных им рецептов было широкое внедрение так называемых штурмовых отрядов «ардити», в которые отбирались только наиболее смелые и опытные солдаты. Идея, в принципе, далеко не новая. Впервые подобные отряды начали создавать немцы, в надежде выйти из сложившегося на Западном фронте тупика позиционной войны. Имелись они под названием ударных частей и в русской армии, на финальном этапе ее существования.

Результаты их деятельности Степан мог воочию наблюдать во время пресловутого «наступления Керенского». И хотя идея ударничества под влиянием паци-

фистской агитации большевиков и иных социалистических партий полностью себя дискредитировала, именно наличием ударных батальонов, шедших в авангарде донельзя распропагандированных полков и дивизий, русская армия обязана своими последними успехами в июне-июле 1917 года. А когда они почти в полном составе погибали, то и всякое наступление тотчас прекращалось.

В Италии же служить в частях «ардити» считалось почетным. Каждый штурмовик или «ардито» имел на вооружении карабин, двенадцать гранат, ножицы с длинными древками для резки колючей проволоки и специальный кинжал для ближнего боя в траншеях. Для защиты их практиковалось использование металлического нагрудника и особой модификации стандартной каски Адриана без полей. Степан и сам сполна смог в этом убедиться, поскольку почти сразу после прибытия на фронт оказался приписан к 9-му штурмовому батальону, впоследствии получившему почетное наименование «Кол-Мошин». Кстати, для него поистине неприятным сюрпризом стало известие об оставлении альпийскими стрелками обильно политых кровью позиций в Доломитовых Альпах. Произошло это в результате все того же злосчастного прорыва у Капоретто, когда возникла реальная угроза проникновения противника в тыл 4-й итальянской армии и полного ее окружения. И альпийцы были вынуждены с горечью отступить, хоть и не потерпели прямого поражения.

Теперь итальянская армия готовилась к отражению очередного наступления австро-венгерских войск. Сначала наступательный порыв австрийцев был еще очень высок. Но к вечеру у них начали заканчиваться боеприпасы и вода, а предстояло штурмовать еще третью линию итальянской обороны, оставшуюся не прованной. Противник же, почуввав ослабление наступательного порыва, сразу же после наступления темноты перешел в контратаку. Ведущую роль в ней играл 9-й штурмовой батальон «ардити». Вместе со всеми пошел вперед и Степан. Вот он-то как раз преспокойно мог остаться в тылу, однако совесть не позволила.

Расстреляв все боеприпасы, оставшиеся в живых двадцать шесть офицеров и двести пятьдесят рядовых выбросили белый флаг. При этом преобладавшие здесь русины неожиданно запели сложенную ими в годы войны грустную народную песню, в которой матери убитого в бою солдата предлагалось засеять песком голую скалу: «Когда тот песок житом взойдет, тогда твой сын с войны придет. Песок житом не всходит, нет сына, не приходит».

— О чем они поют, Стефано? — спросил Воинцева один из «ардито». — Ты же их язык вроде должен знать...

Степан в двух словах пересказал ему сюжет песни.

— Черт возьми, как это верно! — воскликнул итальянец, хлопнув себя по под-сумку.

Сам же Степан со смешанным чувством смотрел на понуро стоявших пленных. Это же были украинцы того самого подразделения 85-го пехотного полка, товарищи которых захватили его в полон во время зимней Карпатской битвы 1915 года. Теперь роли, получается, поменялись...

После окончания сражения на фронте установилось относительное затишье. Пользуясь своим новым положением, Степан спокойно разъезжал по передовой, посещая различные воинские части. Такая жизнь понемногу начинала ему нравиться. В самом деле, военный корреспондент (или приравненное к нему лицо), в отличие от рядового окопника, — птица вольная. Нынче здесь, а завтра там. Никто его на одном месте не держит. Так и Степан. Да и чем ему еще было заниматься, скажите на милость? Первые робкие попытки, говоря на языке разведки, «внедриться» в окружение генерала Миллера ни к чему пока не привели. Пресловутый «Союз возрождения России» являлся организацией преимущественно офи-

перской, и простому нижнему чину, пусть и заслуженному (а Степан, помимо ита-льянской награды, имел еще и Георгиевскую медаль 4-й степени за Галицийскую битву и Георгиевский же крест за Брусилковский прорыв), было чрезвычайно трудно проникнуть в него. Не шибко важного полета птица! Да и сам генерал Миллер отличался крайней подозрительностью. В любом посланце новой большевистской России (да и к тому же, повторяюсь, не офицере) он на первых порах видел только засланного казачка и мог допустить в свою организацию лишь после тщательной проверки. Поэтому Степан и решил пустить все, что называется, на самотек и вернуться к возобновлению попыток проникнуть в «Союз» не раньше, чем через два-три месяца.

В ночь с 8 на 9 июля Степан находился в расположении 69-го пехотного полка пехотной бригады «Анкона». Занимаемые ею окопы тянулись почти параллельно поросшему камышом берегу Пьяве. Чуть поодаль в излучине реки скорее угадывалась, чем просматривалась позиция тяжелых пулеметов. Над погруженной в ночную тьму землей стояла обманчивая тишина. Лишь кое-где постукивали редкие винтовочные выстрелы сторожевых постов, на которые бывалые солдаты при-выкли не обращать ровно никакого внимания.

Но тут внезапно с австрийской стороны Пьяве гулко ухнул тяжелый миномет. Следом раздалась пулеметная очередь. Тотчас после этого на обоих берегах разом зажглись десятки искусно замаскированных прожекторов, и доселе спокойная ночь полетела в тартарары. Загрохотали пулеметы, затрещали винтовки и карабины.

— Что это? Атака?! — встревоженно спрашивали высypавшие из укрытий солдаты.

Однако никто ничего толком не знал. Перестрелка, постепенно затихая, продолжалась до самого рассвета...

— Тененте Эрнесто ранило! — сказал, снимая каску, один из офицеров, поутру наведавшийся в штаб полка.

— Кого? Лейтенанта Эрнеста? — переспросил Степан и сразу же все понял.

Да и как можно было позабыть девятнадцатилетнего парнишку из числа американских добровольцев? Сначала лейтенант Эрнест Хемингуэй проходил службу в 4-м санитарном отряде Международного Красного Креста. Однако это юноше быстро наскучило, и он взял на себя обязанности еще и так называемого траншейного ассистента. Снабженца, если по-простому. Каждую ночь, когда выдавалась свободная минутка, Хемингуэй брал мотоцикл и развозил по передовой почту, шоколад, сигареты и так далее. Сверкая белозубой улыбкой, он словно олицетворял собой оптимистичный американский лозунг «Well All Right» («Все олл-райт!»).

— Тененте Эрнесто, война скоро кончится? — спрашивали ассистента солдаты, обступившие его мотоцикл.

— Конечно! — неизменно отвечал он. — Ведь Америка ввязалась в дело, парни! Теперь бошам точно не поздоровится! Мы побьем этих колбасников!

И мчался дальше.

— Мальчику захотелось поиграть в войну... — сказал кто-то, когда треск мотоциклетного мотора затих вдали.

— Брось! — примирительно отозвался другой голос. — Вспомни себя в его годы! Небось тоже на подвиги тянуло!

— Не надо сравнивать! Мы с тобой в окопах вшей кормим, а он на передовую, словно на курорт, приезжает!

— Ну что ж, надо и это кому-то делать. Вон Марио письмо от жены получил — и рад! Да и табачком мы поиздержались. Как тут без Эрнесто?

— А я слышал, — вмешался в разговор третий солдат, — будто у тененте зрение слабое. Вот и не взяли его в регулярные части. А он просился...

В минувшую ночь лейтенанту Хемингуэю тоже довелось хлебнуть солдатского лиха. Обстоятельства его ранения были отчасти глупыми, а отчасти до ужаса рутинными. За истекшие четыре года войны все уже успели привыкнуть к подобным нелепостям. По обыкновению, молодой ассистент привез в траншеи передовой линии очередную порцию подарков. Один из встретившихся офицеров сказал ему, что в столь темную и безлунную ночь стоило бы держаться подальше от австрийских позиций. Тем не менее Хемингуэй взял у ближайшего солдата винтовку и выстрелил в сторону противника. Оттуда ответили минометной миной. И все. Смертоносный «гостинец» угодил прямо в окоп, где находился Эрнест. Одного солдата убило наповал, другому оторвало ноги. Он тоже вскоре умер. Третий — Фиделе Темперини из Монтальчино — был ранен. Сам тененте также получил множественные осколочные ранения в обе ноги. При этом одна из них оказалась неестественно вывернутой в сторону. Однако, невзирая на боль, гулко стучавшую в висках, Хемингуэй нашел в себе силы взвалить на спину раненого Темперини и поползти в тыл. Это, без сомнения, спасло ему жизнь, поскольку обоих почти сразу осветил австрийский прожектор, а потом обстрелял пулемет. Хемингуэя ранило еще дважды, однако основной поток пуль принял на себя Темперини, который, возможно, сам того не желая, сохранил для потомков будущего классика мировой литературы, прикрыв его своим телом. Что, собственно, и стоило ему жизни.

Потерявшего же сознание лейтенанта вытащили с поля боя санитары и доставили на ближайший перевязочный пункт. Всего в ходе нескольких операций из его ног извлекли двадцать восемь осколков, не считая примерно двух сотен более мелких, которые так и остались в теле. Да и первоначальный прогноз оставался весьма неблагоприятным. Никто не мог дать гарантии, что только недавно отметивший свой день рождения юноша сможет ходить. Речь шла даже об ампутации одной ноги. К счастью, обошлось.

На первых порах, вплоть до предстоящей эвакуации в Милан, тененте Эрнесто лежал в полевом госпитале, обслуживавшемся добровольцами из числа граждан республики Сан-Марино. Узнав об этом, Степан, повинувшись какому-то неосознанному чувству, запаса шоколадом и апельсинами и отправился туда. Хемингуэй был в сознании, однако глаза его, похожие на блестящие маслины, казалось, еще больше потемнели от боли. Да и пускати к раненому ненадолго.

— А, вы тоже с подарками?! — свистящим от сдерживаемого стоны голосом, произнес Хемингуэй. — Ирония судьбы! Раньше я возил шоколад в окопы, а теперь несут мне. Но все равно — спасибо!

— Ну, как вы тут? — не зная, о чем дальше говорить, спросил Степан.

— Да не очень. Теперь явно не скажешь, что все олл-райт! Мутит страшно, и в горле пересохло. Плюнуть вон и то не получается. Сейчас бы выпить чего-нибудь освежающего, покрепче воды, но врачи не разрешают. Подозревают еще и сотрясение мозга.

— Раз так, то не надо. Вы, тененте, еще молодой. Успеете свою бочку выпить!

— Дай-то бог. Если ноги, конечно, не отрежут!

— Типун вам на язык!

— И вот еще какая вещь получается, — продолжил, очевидно, не слыша собеседника, погруженный в какие-то собственные мысли Хемингуэй. — Лишь очутившись на госпитальной койке, я понял, что война — это не бейсбольный матч. Здесь калечат. А иногда и убивают...

Что же касается итальянских литераторов, то на передовой их всегда было даже с излишком. Особенно — в редкие минуты затишья. Пальма первенства здесь, несомненно, принадлежала поэтам. Итальянской речи вообще свойственна некото-

рая певучесть. Недаром каждый выходец с Апеннинского полуострова считает себя непревзойденным знатоком оперы. Да и рифмованные поэтические лозунги по сравнению с прозой звучат ярче и запоминаются гораздо эффективнее. Это давно усвоили соответствующие органы, призванные заниматься пропагандой в войсках. Оттого и зачастую в армию поэты всех мастей. Кого только не довелось слышать Степану в компании со стоявшими по стойке «смирно» итальянскими солдатами! И теоретика футуризма Филиппо Томмазо Маринетти, и Корrado Гавони и Альдо Палаццески. Особенно страстно призывал к свершению героических подвигов одноглазый Габриэле д'Аннунцио. Кстати, название «Равноденственное сражение» по отношению к битве на Пьяве придумал именно он. А потом еще и прописал в пропагандистских листовках, лично сброшенных им во время налета эскадрильи итальянских истребителей «Ансальдо» на Вену в августе этого же 1918 года. Степану, впрочем, больше импонировали тихие и проникновенные строчки рядового окопника Джузеппе Унгаретти. Такие, например, как в его коротком стихотворении «Солдаты»: «Чувствуешь себя, как на осенних деревьях листья...» Чтобы такое написать, надо действительно побыть на передовой. И не один день.

10

И опять в жизнь Степана самым решительным образом вмешалась политика. После эвакуации посольств стран Антанты в Вологду, далеко не все сотрудники союзного дипломатического корпуса покинули Москву и Петроград. Некоторые из них остались на правах своеобразных наблюдателей. По сути, они выполняли функции отсутствовавших послов, не обладая при этом никакими дипломатическими полномочиями. Ведь правительство большевиков на тот момент не признало ни одно из воюющих государств Европы за исключением Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Так, Францию представлял капитан Жак Садуль, а Великобританию — небезызвестный впоследствии шотландец Роберт Брюс Локкарт.

Оба, кстати говоря, поначалу находились в очень хороших отношениях с Лениным, Троцким и их соратниками и одновременно выступали за скорейшую союзную интервенцию. Но не для свержения большевиков, а для их повсеместной поддержки. Резон рассуждений Локкарта и Садуля заключался в следующем. Раз немцы не остановились на демаркационной линии, а продолжают медленно, но верно наступать вглубь России, то большевикам рано или поздно придется или потерять власть, или повести освободительную войну против захватчиков. Однако полностью распропагандированная и деморализованная старая армия сражаться просто не в состоянии. Значит, им придется создать новую Красную армию. А помогать большевикам в этом и станут подготовленные офицеры-инструкторы из войск союзников. Параллельно в портах Мурманска, Архангельска и Владивостока высадутся несколько дивизий стран Антанты, чтобы рука об руку с революционной армией продолжить войну с Германией на территории России! План, конечно, утопичный, но тогда он казался многим вполне выполнимым.

По-настоящему сложилась и судьба его авторов. Если симпатия Садуля к Советской России продолжала оставаться неизменной, что и привело его, в конечном итоге, в ряды Красной армии, то взгляды Локкарта, напротив, претерпели сложную эволюцию. Решающим фактором для этого стало заявление кайзеровских дипломатов о давно ожидаемом прекращении боевых действий на Востоке, отказе от оккупации Москвы и Петрограда и налаживании дальнейшего экономического сотрудничества с новым русским правительством. Стало окончательно ясно, что нужда в обороне от Германии для Ленина и его соратников отпала, а значит,

они теперь и слышать не захотят ни о какой интервенции. К тому же присутствие войск Антанты на территории России вполне может быть истолковано немцами как отказ от соблюдения «препохабнейшего» (по выражению самого Ленина) Брестского мира. В свою очередь и Локкарт решил обратить более пристальное внимание на зарождающееся белое движение и иные антибольшевистские силы.

27 мая он выехал за дальнейшими инструкциями в Вологду, куда и прибыл три дня спустя в выделенном, кстати говоря, советским правительством спальном вагоне. Впрочем, время для любезных улыбок закончилось. Сейчас Локкарт всецело разделял агрессивные намерения французского посла Нуланса по свержению «Ленина и компании» и поддержке любых иных русских политических партий на условиях неуклонного возобновления боевых действий против Германии и ее союзников. И все эти воинственные планы составлял относительно молодой человек. Британскому наблюдателю тогда шел только тридцать второй год. Поразительный контраст с седовласыми старцами, прежде решавшими судьбы Европы! Что поделаешь, новое время требует новых людей.

Тем не менее молодость далеко не всегда является преимуществом. Особенно в сложных и запутанных дипломатических хитросплетениях. Так случилось и с Локкартом. В силу отсутствия должного опыта и наличия мягкого, внушаемого характера он периодически подпадал под влияние всевозможных «сильных личностей», наиболее ярким представителем которых являлся международный авантюрист и агент британской секретной службы Сидней Рейли. Он же — уроженец Одессы (!) Соломон Розенблюм. Он же — Георгий Релинский. Он же — S.T-1. Он же... Впрочем, паспортов у него хватало на добрый десяток имен, фамилий и национальностей.

Прибывшего в Москву с чемоданом денег Рейли познакомил с Локкартом петроградский помощник последнего капитан Кромби. Он же рекомендовал его как человека весьма решительного. И Рейли эти авансы сполна оправдал, с ходу предложив план ни много ни мало по захвату власти в России! По словам суперагента, ему удалось выйти на связь с бойцами охранявшего Кремль отряда латышских стрелков, которые якобы и согласились выступить против большевиков при условии беспрепятственного возвращения на Родину. Ну и солидного денежного вознаграждения, естественно.

Беда Рейли заключалась в том, что он слишком верил в силу подкупа. А Локкарт, в свою очередь, всецело попал под его влияние. К тому же с февраля 1918 года он состоял в любовной связи с некоей Марией (Мурой) Закревской, в замужестве — Бенкендорф. Роль этой женщины так до конца не прояснена и до сих пор. Многие (и небезосновательно) считали ее осведомительницей органов ВЧК. Так или иначе, но в мае во время отлучки Локкарта в Вологду его личный шифр становится известен ведомству Дзержинского. И чекисты получают прекрасную возможность знакомиться со всеми секретными донесениями наблюдателя в Лондон. И предпринимают собственные ответные шаги.

Но Рейли этого, разумеется, не знал. В его голове уже вызрел очередной блестящий план. Согласно ему, высадившийся в Архангельске английский десант в количестве двенадцати тысяч человек должен будет наступать на Москву, а отправленные ему навстречу латышские стрелки, вместо соприкосновения откроют фронт и совместно с союзниками арестуют Ленина с его приспешниками. Подосланные агенты ЧК согласились, что столь рискованный план имеет все шансы на успех. При этом они стали настойчиво домогаться, во-первых, денег для раздачи товарищам в казармах и, во-вторых, рекомендательного письма для командующего британским экспедиционным корпусом генерала Пуля. На самом деле подобное письмо, будь оно написано, послужило бы советскому правительству для еще большей дискредитации английских дипломатов и их закулисных игр.

Неизвестно сколько бы еще продолжалась эта оперативная игра, если бы события не приняли совершенно неожиданный оборот. 30 августа в Петрограде эсер Леонид Канегисер застрелил председателя местного отдела ВЧК Урицкого. А вечером того же дня, но уже в Москве эсерка Фанни Каплан совершила покушение и на самого Ленина. Ответом большевиков послужило развязывание Красного террора. Заодно под шумок решили покончить и с «Заговором послов».

В бывшей столице после выстрелов Канегисера воцарилась страшная неразбериха. Для стороннего наблюдателя и в самом деле складывалось полное впечатление начала контрреволюционного переворота. Чего, собственно, местный отдел ВЧК и добивался. Рыбу, как известно, всегда лучше ловить в мутной воде! Сперва добиться активизации враждебных сил, а потом разом всех и прихлопнуть. В полном соответствии с этой задачей и действовали многочисленные чекистские отряды, направленные в ночь с 30 на 31 августа по самым различным петроградским адресам. Одним из них был и особняк британского посольства, располагавшийся по адресу Дворцовая набережная, 4. Его быстро окружили со всех сторон, взяв под контроль черный и парадный входы. Действовали без излишней конспирации в надежде захватить противника врасплох. Однако англичане держались настороже. Оставшиеся сотрудники посольства под руководством исполнявшего обязанности военно-морского атташе капитана Кромби сразу принялись жечь шифры и уничтожать секретную документацию. Дверь в особняк они предусмотрительно успели запереть.

Чекистов, впрочем, этонисколько не смутило. В завязавшейся потом схватке Кромби был убит. Сотрудников посольства арестовали. На следующую ночь в Москве у себя на квартире задержали и Брюса Локкарта. Сиднею Рейли удалось скрыться.

«Дело трех послов» нанесло огромный удар по престижу дипломатии стран Антанты, наглядно продемонстрировав ее попытки вмешаться во внутренние дела Советской России с использованием шпионажа, подкупа и так далее. Все замешанные в нем сотрудники союзных миссий были незамедлительно высланы из страны, а помогавшие им русские подданные приговорены к расстрелу либо к солидным срокам заключения. Кстати, задержанную в те же дни и по тому же делу любовницу Локкарта Марию Закревскую-Бенкендорф в скором времени попросту... отпустили! Что лишний раз указывает на ее причастность к разоблачению заговора. И некие услуги, несомненно, оказанные органам ВЧК.

11

Раскатившийся по всей Европе скандал, связанный с «заговором трех послов», самым непосредственным образом сказался и на дальнейшей судьбе Степана. Говорить о какой-либо внезапной изоляции, конечно, не стоит, поскольку он и так действовал в Италии в одиночку. Однако возникли проблемы со связью и, что самое главное, с возвращением. Как не высокопарно это звучит, но новорожденная Советская Россия ко второй половине 1918 года действительно оказалась в кольце врагов. Черноморские проливы, пока шла война, контролировали турки. Путь через Персию (теперешний Иран) находился в руках англичан. Они же в компании с французами высадились в Мурманске и Архангельске. На Дальнем Востоке хозяйничали японцы и американцы. Китай — и тот выступал на стороне союзников.

Подобный вариант развития событий в Москве, откровенно говоря, предусмотреть не смогли, когда отправляли Степана за границу. Да и стоит ли удивляться? Разведывательные службы большевиков, по сути, находились только в самом начале своего становления. Опереться на прежний агентурный аппарат они, разу-

меется, не могли. Вот и учились работать хорошо известным методом проб и ошибок. Да и, с другой стороны, а как должен был поступить заброшенный за рубеж агент в случае возникновения форс-мажорной ситуации? Да еще в столь непростых условиях? Никаких резервных каналов связи нет, поскольку нет ни торговых, ни дипломатических представительств. Почта, несомненно, перлюстрируется. Да и идет она долго (и не факт, что дойдет). Радио уже существует, однако портативные радиостанции изобретут лишь через добрый десяток лет. Значит, и этот путь отпадает.

Хотя существовал так-таки один возможный канал связи. Правда, Степана заблаговременно предупредили, что рассчитывать на него следует только в самом крайнем случае. Канал этот оказался Социалистической партией Италии. Еще до начала войны видное место в ее рядах занимала уроженка Российской империи Анжелика Балабанова, протежировавшая, кстати говоря, самому Бенито Муссолини. Он тогда только делал свои первые шаги на политической арене. К сожалению для Степана, весной 1917 года Балабанова в компании с другими русскими социал-демократами вернулась в Россию в знаменитом «пломбированном вагоне». Но тут особых проблем не возникало. Ведь оставались такие товарищи, как Антонио Грамши или молодой Пальмиро Тольятти. Беда заключалась в том, что социалисты в Италии постоянно находились под пристальным надзором полиции. Обращаться к ним значило привлечь излишнее внимание к собственной персоне. С возможным риском последующего разоблачения.

Поэтому свою встречу с представителями местной социалистической партии Степан и решил отложить до более безопасных времен. К тому же ни в каких срочных инструкциях из Москвы он сейчас не нуждался. Сразу проникнуть в организацию Миллера, как уже выше говорилось, новоиспеченный агент не сумел. А потом генерал и вовсе уехал во Францию, где занялся работой по расформированию и частичной репатриации отдельных пехотных бригад Русского экспедиционного корпуса. Туда же вскоре отправились и его ближайшие сподвижники.

«Союз за возрождение России в единении с союзниками» на территории Италии прекратил существование. Вместе с ним потеряло всякий смысл и дальнейшее пребывание Степана на чужбине. Теперь можно было конкретно подумать и о возвращении. Для этого Воинцев намеревался воспользоваться скорым окончанием войны, которая, по его расчетам, вряд ли должна продлиться больше пары месяцев. А вот тогда на волне всеобщей эйфории от долгожданной победы полицейский контроль, глядишь, и ослабнет, и можно будет смело посетить редакцию газеты «Аванти» или любое иное место сбора лидеров социалистической партии.

Война и впрямь шла к своему завершению. Еще летом французский маршал Фош потребовал от нового главнокомандующего итальянской армии генерала Диаза предпринять очередное решительное наступление на австрийцев. Итальянский премьер-министр Орландо в буквальном смысле напал на генерала Диаза, в почти ультимативном тоне требуя возобновления решительных боевых действий. Наконец, тот согласился. Был разработан план перехода войск Итальянского фронта в наступление сразу в двух местах — в горах Монте-Граппа и на реке Пьяве.

Вплоть до конца октября австрийцы сопротивлялись упорно и даже предпринимали собственные контратаки. Хотя и у них проблем хватало с избытком. И в первую очередь — политических. Империя Габсбургов начала трещать по всем швам. О независимости чуть ли не в открытую заговорили чехи, словаки, хорваты, словенцы. В таких условиях правительство Венгрии отдало негласный приказ о выводе своих национальных воинских формирований с фронта и возвращении их в пределы страны. Тем временем наступление итальянцев не прекращалось. Дабы избежать полного разгрома, командование противника решило просить о перемирии. Последний час империи Габсбургов пробил. Начиная с 1 нояб-

ря, ее войска помышляли только об отступлении, иногда превращавшемся в откровенное бегство. Наконец было объявлено, что всякие боевые действия на Итальянском фронте будут прекращены в 15.00 4 ноября.

Все это время Степан находился при 8-м армейском корпусе 8-й же армии. Его сокровенной мечтой было закончить войну там, где она для него здесь и начиналась. А именно — в Доломитовых Альпах. И это бывшему русскому подноскичу почти удалось. Итальянским броневикам, устремившимся по дороге к Кортине д'Ампеццо, сопутствовал успех. Развив бешеную по тем временам скорость в семьдесят километров в час и непрерывно завывая включенными сиренами, они едва не врубились в хвост отступавшей неприятельской колонны.

— Прочь! Прочь! В сторону! — еле перекрывая лязг и грохот, орали итальянцы.

Австрийцы безропотно расступались, пропуская машины. У них не могло возникнуть даже мысли о сопротивлении. Степану такая бескровная война откровенно нравилась. «Вот бы рассказать об этом санитару Черному! — мелькало у него в голове. — Поэт наверняка был бы в восторге!»

В три часа дня итальянская кавалькада достигла точки на старой границе между Боркой и Сан-Вито, что близ массива Доломитов Альберго. Развернув броневики и нацелив на подходивших австрийцев пулеметы, хмельные от одержанной победы самокатчики объявили тех взятыми в плен. И окончательно деморализованные солдаты противника подчинились. На том Первая мировая война для Степана и закончилась. Сняв с запотевшей головы порядком опостылевшую каску, он с наслаждением подставил разгоряченное лицо прохладному осеннему ветерку. А потом повернулся и еще раз посмотрел на вздымавшиеся к небу заснеженные вершины Доломитовых Альп. Сколько людей погибло за обладание их склонами! А они все те же. Сверкают на солнце, как и сотни лет назад...

12

После окончания войны в Италии улицы городов заполнили ликующие толпы людей с красно-бело-зелеными знаменами, увенчанными гербом Савойской династии. Возвращавшимся с фронта солдатам дарили цветы. Повсюду играли оркестры. Вот под прикрытием атмосферы этого всеобщего карнавала Степан наконец и решил выйти на связь с итальянскими социалистами. Разумеется, прямых контактов с Москвой те тоже не имели. Как правило, использовались всевозможные курьеры, проникавшие в окруженную со всех сторон Советскую Россию самыми различными способами. При этом подавляющее большинство их двигалось по территории Германии. Либо использовало в качестве посредников представителей немецкой социалистической партии.

Доподлинно неизвестно, кого итальянцы направили в Россию в конце 1918 года, однако дальнейшие инструкции для Степана вкупе с приглашением на предстоящий первый конгресс III Коммунистического Интернационала (Коминтерна) они получили посредством Барты Рутгерс, жены известного голландского инженера Себальда Рутгерса Барты.

Что же касается его самого, то он был личностью довольно примечательной. На взлете карьеры весьма успешно работает в Управлении строительства Роттердама, позже занимает высокий пост директора Управления строительства мостов и дорог на западном берегу Суматры. Однако, невзирая на явный инженерный талант, он сравнительно рано увлекся социальными проблемами. Вступил сначала в Социал-демократическую рабочую партию Голландии, потом в отколовшуюся от нее Социал-демократическую партию Нидерландов. Впрочем, до поры до времени партийная карьера не мешала карьере профессиональной.

Все меняется, когда голландского инженера в 1918 году с неизъяснимой силой начинает манить загадочная Россия, где начался великий социальный эксперимент. 23 сентября 1918 года ему с женой наконец удается добраться до Москвы. Почти сразу их закружил водоворот местной политической жизни. Рутгерс делает доклад во ВЦИК, встречается с Лениным и даже получает должность генерального инспектора водных путей. Находится поручение и для жены Рутгерса, Барты. В марте в Москве должно состояться открытие первого конгресса III Коммунистического Интернационала. В связи с этим ей и поручается проездом через Германию вернуться в Нидерланды и передать приглашение на него делегатам от европейских социалистических партий. Параллельно Барта Рутгерс снабжается и большим количеством драгоценностей, предназначенных как для дальнейшего использования на нужды революционного движения, так и для придания ей облика respectable дамы на пунктах пограничного контроля.

Среди поручений, привезенных ей для немецких товарищей, оказалась и инструкция, непосредственно касавшаяся дальнейшей судьбы Степана Воинцева. И она содержала весьма неожиданный поворот. В этом Степан смог убедиться во время очередной встречи с Антоном Грамши, которого в свою очередь ввел в курс дела явившийся из Берлина курьер.

— Von Giorno, товарищ Стефано! Спешу вас обрадовать! В Москве о вашем существовании отнюдь не забыли. Ну и наш запрос, смею надеяться, сделал свое дело. На днях от проверенных товарищей нами получены достаточно четкие инструкции. А значит, период неопределенности для вас закончился.

— Рад это слышать!

— Охотно верю. Хотя и не знаю, насколько обрадует вас дальнейшее поручение. Но тем не менее, уполномочен сообщить, что Москва приказывает вам, товарищ Стефано, в самое ближайшее время отправиться в Китай.

— Куда?!

— В Китай. В Пекин, если быть совсем точным.

— И что же там мне делать?!

— В этом и заключается суть партийного задания. В Китае вы должны будете выйти на связь с профессором Пекинского национального университета Ивановым. Русским, как нетрудно догадаться по фамилии.

— Никогда о таком не слышал.

— Это не беда. Профессор Иванов — очень интересный человек! Родился он в городе Ливны Орловской губернии в 1885 году. Обучался сначала в местном реальном училище, а потом в Париже. Там примкнул к партии анархистов. В 1905 году Алексей Алексеевич вернулся в Россию и сразу же принял участие в декабрьском вооруженном восстании в Москве. После его разгрома получил двухлетний срок заключения в арестантских ротах и, освободившись, вновь уехал во Францию. В Париже продолжил заниматься образованием, поступив в «Национальную школу живых восточных языков», где в совершенстве овладел китайским и японским. А тут и февральская революция подоспела. В числе прочих политэмигрантов, изъявивших желание сотрудничать с новой властью, Иванов учился в Петрограде. Там его зачислили в сотрудники Министерства иностранных дел и включили в состав российской дипломатической миссии в Китае. Однако, когда новоиспеченные дипломаты прибыли наконец к месту прохождения службы, представлять оказалось некого — дома к власти пришли большевики. Иванов единственный выступил в их поддержку и фактически очутился в полной изоляции. Жить ему пришлось в помещении заброшенного буддийского храма на улице Янь Яохутун в Пекине, а средства к существованию добывать сначала журналистской работой, а затем преподаванием в местном университете на факультете французской и западноевропейской литературы. А поскольку Иванов достаточно

долго прожил в Китае, вам и надлежит получить от него самую подробную характеристику тамошних политических кругов. В сфере дальнейшего установления дипломатических отношений между обеими странами.

- Уж озадачили вы меня так озадачили! Я-то надеялся поскорей домой попасть!
- Вот через Китай и вернетесь. Когда задание выполните.
- Что ж, и на этом спасибо...

Немного остыв и успокоившись, Степан не мог не признать справедливости слов Грамши. В самом деле, теперь он мог вернуться домой лишь при помощи большевиков. Любой иной путь автоматически вел в ряды белых армий. Конечно, попытаться перейти линию фронта можно и оттуда. Но тут уж — как повезет. Да и к тому же белые ведь тоже не дураки были. А ну как заставят каких-нибудь восставших крестьян вешать? В крови замараешься — и все. Обратной дороги точно не будет. Да и кто даст гарантию, что перейти на другую сторону так легко и просто? Поди потом доказывай, что ты не беляк, а законспирированный красный агент. Тогда уже поздно будет! Свои же могут не разобраться и в горячке шлепнут. Короче говоря, как ни крути, но новое задание действительно предлагает самый оптимальный выход из сложившегося положения.

Посоветовавшись с итальянскими товарищами, Степан решил, что наиболее удобная дорога в Китай пролегает через... Париж! Да-да, именно так! Французские компании давно загребли в свои руки почти все железнодорожные перевозки в центральном Китае. Вот под предлогом устройства на работу Степан и мог заявиться в одну из их контор. Единственное, что порекомендовал Грамши, так это приобрести билет до Пекина на собственные деньги. Тогда у него сохранится определенная свобода для маневра. Необходимые средства Грамши пообещал изыскать в партийной кассе. Ведь и итальянским социалистам кое-что перепало от бриллиантов, щедро выделяемых Москвой для торжества мировой революции.

Перед отъездом во Францию Степан прогулялся по Риму. Кто знает, доведется ли еще когда-нибудь увидеть этот город? И ноги вынесли его на площадь Венеции. Стоял погожий зимний денек, конечно, без привычных в России снега и мороза. На фоне прозрачного голубого неба отчетливо выделялись вздымавшиеся ввысь беломраморные колонны «Витториано» — грандиозного монумента в честь первого короля объединенной Италии Виктора-Эммануила II. И пусть многие римляне относились к этому памятнику достаточно иронично, величая «гигантской пишущей машинкой», у Степана при виде его, как всегда, захватило дух. Поневолу он почувствовал себя муравьем у подножия огромного, похожего на самую натуральную гору мраморного комплекса. «Господи, ну к чему такой большой монумент? — невольно подумал он. — Да, понятна радость нации, наконец получившей единую страну, но ведь сколько ресурсов было потрачено! Хотя, с другой стороны, смотрится красиво!»

Подивившись на «Витториано», Степан свернул налево и неспешно пошел по улице Императорских Форумов. К многочисленным развалинам античных построек он был совершенно равнодушен. Просто привлекала сама улица — тихая и, в отличие от той же Корсо, почти малолюдная. В те времена хаживали здесь в основном знатоки древностей, университетские профессора да немногочисленные туристы. Один из подобных старичков, отдыхавший на скамеечке, сразу привлек внимание Степана. Отчего-то подумалось, что тот непременно русский. Так, впрочем, и оказалось.

- Здравствуйте, молодой человек! — приподняв панаму, ответил на немой вопрос старец. — Вы, как я вижу, тоже родом из богоспасаемой матушки-России?
- Да, а как вы догадались?
- Ну, такие вещи на глубинном уровне определяются. Не зря же в народе говорят, что земляк земляка видит издалека!

— И то верно!

— Вот видишь, — усмехнулся старик. — И каким же ветром тебя в Италию занесло, мил человек? Небось война виновата?

— Она самая. В плен к австриякам в Карпатах угодил, а итальянцы освободили, — в дальнейшие подробности Степан вдаваться не стал.

— Понятно. Я о чем-то подобном и подумал. На студента вы явно не похожи! Ну и как в Италии, служивый? Нравится?

— Да как вам сказать. Велик город Рим, а помолиться-то и негде!

— Почему? Тут же храмов вон сколько! Буквально на каждом шагу!

— Так они же все католические!

— Ну и что? Католики разве не Христу молятся?

— Так-то оно так, да не совсем. У них и календарь вон иной.

— Что ж, в таком случае, помочь вашему горю сложно. Но можно. Пройдите чуть дальше, к Колизею, и справа увидите небольшую церквушку. Это базилика святых Косьмы и Дамиана. Кузьмы и Демьяна, если по-нашему. Построена она еще до разделения церквей, а значит, и православные там молиться могут. По крайней мере, я так думаю. Только смотри, вход в нее со стороны Форума. Через бывший храм Ромула.

Степан не преминул воспользоваться советом старичка. Походив по заставленному развалинами Форуму, он вышел к круглому зданию, построенному из узкого розовато-красного кирпича. Створки массивных, позеленевших от времени бронзовых дверей были гостеприимно распахнуты внутрь. Поднявшись по ступенькам вверх и осенив себя крестным знамением, Степан очутился в новой церкви. Взгляд его сразу приковала к себе расположенная под куполом большая мозаика, изображавшая сцену Второго пришествия. В центре на плывущих в синем небе красных предрассветных облаках стоял Христос-Спаситель в золотых одеждах. Справа от него находились святые Павел, Косьма и римский папа Феликс IV, слева — святые Петр, Дамиан и Феодор. Внизу в виде двенадцати агнцев были представлены двенадцать апостолов. «Да, на Руси святых Кузьму и Демьяна “кашниками” да “курятниками” кличут. А тут вон какая красота! — подумал Степан, еще раз истово перекрестившись и затеплив свечку. — Авось и помогут они мне благополучно домой воротиться!»

В неведомый Китай Степан отплыл на французском пароходе. Путь туда, охватывавший добрую половину земного шара, пролегал через Средиземное море, Суэцкий канал, Аден, Цейлон, Сингапур и Гонконг. «Свят, свят, свят! Вот куда меня занесло», — то и дело повторял про себя бывший солдат, потрясенно озирая открывавшееся взгляду тропическое великолепие. Удивляло все. И все казалось чужим. И невиданные доселе овощи, и фрукты самых разнообразных форм и расцветок. И крикливые обезьяны. И шустро бегавшие по стенам юркие ящерицы гекконы. И змеи. И огромные, мерзкие на вид, жуки и тараканы. «Тьфу, пакость какая!»

В Шанхае пришлось делать пересадку на другой пароход. Теперь уже — речной, поднимающийся вверх по широкой и полноводной Янцзы. Принадлежал он американской судоходной компании с броским названием «Роберт Доллар».

Подобно другим европейцам одетый вместо привычной гимнастерки в светлый полотняный костюм и шляпу, Степан с комфортом расположился на самой верхней палубе. Китайцев сюда не пускали ни за какие деньги. К их услугам оставались каюты первого и второго классов, а самые бедные и вовсе ютились в душном и зловонном трюме. Спускаться туда даже из простого любопытства не хотелось.

Хватало и доносившегося из люков ужасного запаха невымытых тел и кишечных газов.

Почти на каждой остановке пароход сразу же окружала целая флотилия утлых лодчонок. Сидевшие в них лавочники и мелкие торговцы на все лады расхваливали собственный товар. Как правило, это были самые ходовые и нехитрые в приготовлении продукты питания — пиво, горячее рисовое вино, вареные яйца, колбаса, студень, жарившиеся прямо здесь же в масле пирожки и лапша, яростно бурлившая в котлах на жаровнях. Попадались, впрочем, лодки, способные удовлетворить аппетиты и несколько иного рода. На одних из них день напролет стучали костяшки и слышались азартные выкрики, на других из-под раскрытых зонтиков выглядывали накрашенные красавицы (не первой, правда, свежести). Целые плавучие публичные дома, вперемешку с игорными заведениями!

Путешествие по Янцзы заканчивались в порту Ханькоу. Оттуда до Пекина можно было добраться только поездом. Тоже, кстати говоря, принадлежавшем иностранной компании, на сей раз французской. «Ну и страна! — не уставал удивляться Степан. — Вроде и народу много, а своего ничего нет! Все в руках иностранцев находится!» Как выяснилось вскоре, замечал это не один только он. В Китае долгие годы зрело подспудное недовольство чужестранным засильем, захватившим буквально все жизненно важные отрасли. И время от времени оно прорывалось наружу стихийными вспышками протеста. Одно из таких выступлений и произошло 4 мая 1919 года в столице. А эхо от него раскатилось едва ли не по всей стране.

Когда Степан приехал в Пекин, то застал город гудевшим, словно растревоженный пчелиный улей. По улицам, врываясь в лавки торговцев, металась толпа молодых людей с перекошенными от гнева лицами. То и дело раздавались звуки разбитых вдребезги стекол и посуды. На мельчайшие осколки разлетались выброшенные на мостовую чашки, кружки, термосы, блюда, зеркала. Следом к быстро разложенным кострам молодежь тащила охапки всевозможной галантереи. И над всем этим погромом стоял неумолчный ор из многократно повторяемых и скандируемых слов «та-сы!», означавших, как потом выяснил Степан, «бей до конца!»

«Мать твою за ногу! — озираясь по сторонам, мысленно присвистнул гость из далекой России. — И в какой переплет я на сей раз угодил? И здесь революция что ли?..»

К счастью, в ситуации ему довольно быстро помог разобраться проводник-француз, увидевший явное замешательство, проступившее на лице пассажира-европейца. Он же подсказал, как добраться до правления железнодорожной компании. Ведь, согласно легенде, Степан именно туда приехал устраиваться.

После визита во французское консульство Степан занялся поисками профессора Иванова. Или И Фаэра — так звучало его имя, переделанное на местный лад. Ситуацию облегчало то, что преподавал он именно во французской секции Национального университета. А значит, в консульстве могли приблизительно подсказать, где его отыскать. Хотя и поморщились при одном только упоминании «этого большевика». Степан, впрочем, отбоярился тем, что надумал заняться изучением китайского языка. Ведь в будущей работе без этого, очевидно, никак. А кто еще, кроме соотечественника, поможет лучше усвоить чужую речь? Ну не француз же!

Профессор Иванов оказался светловолосым человеком средних лет с голубыми, глубоко посаженными глазами. Внимательно изучив протянутое Степаном предписание Совнаркома, полученное через Барту Рутгерс, он кивнул и указал гостю на свободный стул.

— Присаживайтесь. Честно говоря, я чертовски рад вас видеть! Устал, знаете ли, в чужой стране в одиночку находиться. Но и здесь особо четких указаний я не

вижу. Что конкретно Москву может интересовать? В каком направлении дальше работать?

— Да я и сам толком не знаю. Тоже на родине, считай, год не был. Но думаю, прежде всего, речь идет об общем обзоре обстановки.

— Что ж, звучит логично. В общем, положение в Китае и впрямь очень запутанное. Да вы и сами, наверное, уже успели в этом убедиться.

— Движение «Четвертого мая» имеее в виду? Да уж, насмотрелся!

Получив от профессора все интересные сведения, Степан засобирался в дорогу. Не хватало еще в Китае зависнуть на несколько месяцев!

Однако осталось утрясти кое-какие формальности. Для начала следовало решить вопрос с возможным «трудоустройством». Во французской фирме Степан как на духу заявил, будто намеревается отправиться на север — в Харбин, где будет пытаться искать работу на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Тамошняя обстановка, мол, ему ближе. Как-то роднее! В Пекине же, напротив, все чужое. Иные обычаи, традиции. Да и французский язык он плохо знает. Не говоря уже о китайском! Французы только руками развели. Да и что они могли возразить? Вот если бы Степан предварительно завербовался в головной конторе в Париже, тогда — да, другое дело. Можно было заставить его что-то отработать. А так — никакого спроса.

В Харбин Степан добирался тоже на поезде. На сей раз проходившая через Мукден и Чаньчунь железнодорожная линия контролировалась японцами. Из них преимущественно состояли локомотивные и поездные бригады — машинисты, проводники, кондукторы. В предназначенные для иностранцев комфортабельные вагоны китайцы практически не допускались. Вот вам и титульная нация! Когда страна слаба, то ее никто ни в грош не ставит.

В Чаньчуне японская полиция произвела тщательный досмотр пассажиров. К Степану никаких вопросов не возникло. Европейская внешность, подлинные документы плюс рекомендательное письмо французских железнодорожников к своим русским коллегам. Конечно, японцы имели на КВЖД свои виды, но при этом они же были заинтересованы и в ее бесперебойной работе.

Харбинский вокзал встретил Степана немолчным многоголосым гомоном. В годы гражданской войны сюда стекалось великое множество самого разнообразного народа. Беженцы из Европейской России, лица, уклоняющиеся от мобилизации (в любую армию), наемники, всевозможные искатели приключений, авантюристы всех мастей... У возглавлявшего на тот момент «Желтороссию» генерал-лейтенанта Хорвата ни сил, ни желания для того, чтобы справиться с этим сбродом, явно не было. Свою задачу он видел лишь в поддержании относительного порядка в полосе отчуждения КВЖД. Но и тут власть престарелого генерала то и дело оспаривали новоявленные японские ставленники атаман Семенов и есаул Калмыков.

Одним словом, в дальнейшем пути без опытного проводника Степану явно было не обойтись. Да и к тому же, чем дальше от Харбина, тем труднее будет увертываться от принудительной мобилизации или прямиком в белую армию, или в какую-нибудь из многочисленных бандитских группировок. Это здесь еще можно достаточно свободно слоняться под предлогом найма на железную дорогу. Да и то до определенного времени. А значит, имело смысл скорейшее форсирование перехода на нелегальное положение.

Наконец после осторожных и ненавязчивых расспросов Степан познакомился с хитроватым мужичком неопределенного возраста, которого все звали не иначе как «дядя Ваня». Смерив незнакомца взглядом, тот сорвал с головы фуражку и, хлопнув ей об колено, воскликнул: «Рыскну! Уж очень ты мне, паря, понравился!» На том предварительные переговоры и закончились. Все заботы по подготов-

ке путешествия дядя Ваня взял на себя. Степан лишь покупал продукты и необходимые предметы снаряжения, без которых, по словам проводника, в дальнюю дорогу нечего и соваться. А довести клиента он пообещался аж до Забайкальского края.

Бывалый контрабандист оказался весьма словоохотливым человеком. После первых же дней пути ледок недоверия между ним и Степаном окончательно растаял. Дядя Ваня то вспоминал различные эпизоды из своих прежних похождений, то рассказывал народные легенды и предания, связанные с окрестными местами, то вдруг принимался советовать на плохие времена и связанное с ними резкое падение заработков: «Сухой-то закон, чай, в России негласно отменили! Куда ж старому спиртоносу податься?!»

— Впрочем, есть еще одна вещь, гораздо более ценная, чем спирт, — неожиданно закончил свою мысль дядя Ваня.

— И что же это, если не секрет? — рассеянно поинтересовался Степан.

— Опиум, паря. Опиум. Но я с ним стараюсь не связываться.

— Почему?

— Очень опасно. Особенно в нынешнее лихое время, будь оно неладно! Только посмотри, сколько борцов с коммунизмом сейчас развелось! Семенов, Орлов, Калмыков!.. Я не говорю уже о более мелких отрядах. И у каждого собственная контрразведка имеется. И все по поездкам на КВЖД шныряют. Ты думаешь, они там большевиков ловят? Как бы не так! Ну, может, и их, конечно, но в основном на торговцев опиумом охотятся. На мужчин, женщин — неважно. Опиум — это же огромные деньги! Если его обнаружат, то все. Пиши пропало. Торговца тут же объявляют большевистским агентом, выводят из вагона и под шумок незамедлительно расстреливают. А опиум продают. Очень удобная позиция! Агентом коммунистов, знаешь ли, можно объявить любого. Кстати, вот тебе мой совет на будущее. Старайся никогда не ездить в классных вагонах. Лучше в теплушке. Пусть в тесноте, да не в обиде. А иначе есть риск вообще никуда не доехать. Наши борцы «за единую и неделимую» стараются только в классных вагонах пассажиров и досматривать. А в других им поживиться нечем! Недавно вообще дикий случай произошел. Подручные Калмыкова прознали, что у представителя Красного Креста из какой-то нейтральной страны — то ли Швеции, то ли Дании, имеется несколько сотен тысяч рублей. И тотчас повесили его, объявив большевистским агентом. А деньги, разумеется, присвоили себе. И что? Да ничего! Невзирая на все протесты иностранцев, все им сошло с рук! Ошибочка, мол, вышла!

— Но это же, как ни крути, полный произвол!

— Само собой. Об том я тебе и толкую. Раньше хоть взятки драли в три шкуры, но зато законы действовали. Городовой был фигурой! А сейчас к кому обратиться? К нашим вечно пьяным и расхристанным милиционерам? Так их даже китайцы, местные, ни во что не ставят. «Ты теперь ходя, а я — капитана!» — так прямо в лицо и говорят. Вот тебе и власть...

Сделав вид, будто до глубины души потрясен подобными ужасами, Степан наекнул дяде Ване о том, что хорошо ему бы было добраться до расположения большевиков. Или им сочувствующих местных повстанцев. Контрабандист оказался человеком понятливым. Тем более что далеко идти и не пришлось бы. Как раз в Монголии и Забайкальском крае действовал сражавшийся с колчаковцами крупный партизанский отряд полукоммуниста-полуанархиста Нестора Каландаришвили по кличке Дед. И это был далеко не единичный случай. Весь южный фланг «государства» Колчака охватывал пояс почти непрерывно полыхавших крестьянских выступлений. В Енисейской губернии стихийно возникли отряды штабс-капитана Щетинкина и поручика Кравченко, в Томской — унтер-офицера Лубко-

ва, в Алтайской — Мамонтова, в Иркутской — братьев Бабкиных. Не говоря уже о более мелких. Верховного правителя, как и поддержавших февральскую революцию генералов, погубила свойственная многим военным некоторая узость мышления.

В этом однажды воочию убедился Степан, спросив одного из подавшихся в повстанцы мужиков:

— Ну а вы-то зачем большевиков поддерживаете? Чего вам еще не хватает? Вон как справно живете! У нас в России о таком хозяйстве можно только мечтать!

— Так большевики, бают, землю дают! А Толчак (так в Сибири зачастую называли адмирала) только обещаниями кормит. Вот одержим, мол, победу, тогда и разберемся. Понял? Не землю обещает дать, а только разобраться, кому она будет принадлежать! Так вестимо, кому! Опять небось баре на нашу шею сядут! А мужичку, стал-быть, — кукиш с маслом! И за это я кровь проливать должен?! Не желаю!

Если с дядей Ваней Степан на прощание щедро расплатился деньгами, то при встрече со здешними партизанами в ход пошел полученный из Москвы мандат, предписывавший оказывать подателю сего повсеместную поддержку. И повстанцы охотно шли навстречу.

Так и передвигался Степан от отряда к отряду, пока не вышел наконец в расположение регулярной Красной армии. Оттуда он добрался до Москвы уже гораздо быстрее. В основном на поездах. Литерных!

Неизвестно, сыграли ли доставленные Степаном сведения какую-либо решающую роль, однако 25 июля 1919 года правительство РСФСР обратилось с посланием к китайскому народу, а также к президенту республики Дуань Цижуну и лидеру партии «Гоминьдан» Сунь Ятсену. В нем разъяснялись основные положения «Декрета о мире» и излагались новые взгляды на дальнейшие взаимоотношения между обеими странами. Так, Советская Россия отказывалась от любых прав экстерриториальности в Китае. С этого момента все проживающие там граждане РСФСР были обязаны подчиняться местным законам. Как говорилось в послании: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». Подлежали прекращению ежегодные выплаты контрибуции за убытки, понесенные русским правительством в ходе «Боксерского восстания» 1900 года. Подписал данное обращение заместитель народного комиссара по иностранным делам Карахан.

Казалось бы, чего еще надо? Сплошные шаги навстречу и готовность к сотрудничеству. Однако никакого ответа Советское правительство так и не получило. Тогда, 26 августа, текст обращения был опубликован еще и в газете «Известия». И вновь — никаких эмоций. Находившаяся под сильным влиянием держав Антанты, правящая в Китае клика продолжала упорно игнорировать все советские инициативы. Только в марте следующего 1920 года текст обращения появился в китайской печати. Да и то лишь под серьезным давлением общественности. Ознакомившись с текстом столь важного документа, пекинские студенты, частенько выступавшие в качестве заводил всевозможных беспорядков в стране, обратились в министерство иностранных дел с петицией, призывавшей к скорейшему установлению дипломатических отношений с Советской Россией. 11 апреля оттуда был получен весьма взвешенный и обтекаемый ответ, полный всяческих недоговоренностей. Основная мысль, заключавшаяся в нем, гласила о том, что требуется еще «повременить». На том первая попытка установления каких-либо контактов между РСФСР и Китаем на правительственном уровне и закончилась. Но тут уж никакой вины Степана, как нетрудно догадаться, не было. Свою часть задания он выполнил безукоризненно.

Из Москвы после подробнейшего отчета о своем заграничном вояже Воинцева, как проверенного товарища, направили в родные края для укрепления там советской власти.

Время было горячим. Летом и осенью 1919 года по тылам красных прошли рейды генералов Мамонтова, Шкуро и Коновалова. Поэтому в уездном военкомате Степана опять мобилизовали «вплоть до особого распоряжения». Так что попасть домой ему пока не довелось. Да и воевать пришлось не на правом, а на левом берегу Дона — на территории Богучарского уезда Воронежской губернии. И все же это были почти родные места. У бывшего солдата даже на душе потеплело при виде крытых соломой, мазанных глиной хат, вербовых плетней и резкими чертами вздымавшихся в небо колодезных «журавлей». На бесприютной, засыпанной снегом равнине черными пятнами выделялись стаи грачей и воронья. Им явно было чем поживиться этой зимой!

Калач красные взяли благодаря тактической хитрости временно исполнявшего обязанности командующего Конно-Сводного корпуса Дмитрия Жлобы. 26 ноября 1919 года в город направили множество переодетых в крестьянскую одежду разведчиков. Был базарный день, и никто особого внимания на них не обратил. Да и вообще белые из 2-го конного корпуса генерала Коновалова вели себя крайне беспечно. Караульная служба неслась плохо, боевое охранение практически не выставлялось. Воспользовавшись этим, 1-я партизанская бригада красных в тот же день атаковала Калач. Дополнительную сумятицу внесли и проникшие ранее в город разведчики, незамедлительно открывшие огонь по офицерам, пулеметным расчетам и узлам управления. Не выдержав столь стремительного натиска, белые начали поспешно отступать к Дону.

5 декабря 1919 года 14-я стрелковая дивизия заняла село Солонку. Однако в девять часов вечера со стороны Новой Криуши на дороге показалась неизвестная кавалерийская часть, двигавшаяся походным порядком. Вернее, обнаружили ее практически на подступах к селу, поскольку стояла уже непроглядная ночная тьма. Державшиеся настороже пехотинцы дали предупредительный выстрел. В ответ загрохотала пулеметная очередь, и сразу же разгорелось внезапное и оттого порядком суматошное сражение.

Пристроившийся у сарая на околице, Степан вместе с товарищами палил из своей трехлинейки, стараясь ориентироваться по вспышкам ответных выстрелов. Из всех видов боя он больше всего не переносил именно ночной, когда не видно ни зги. В кого стреляешь, куда? Это вам не мировая война с ее осветительными ракетами и мощными прожекторами, освещавшими поле боя и в буквальном смысле превращавшими ночь в день!

Наконец час спустя несколько всадников ворвались-таки в Солонку. И только тут красноармейцы разглядели на них буденовки и папахи с красными лентами. Выяснилось, что в роли неведомого противника выступал 2-й кавалерийский полк 2-й Горской бригады, также получивший приказ занять село и не знавший, что оно уже находилось в руках своих. Конникам эта трагическая неразбериха обошлась в двоих убитых. В 14-й стрелковой дивизии погибло трое.

Увы, но в гражданской войне подобные роковые ошибки случались частенько. Все того же 5 декабря 4-я кавалерийская бригада белых пошла в контратаку на хутор Богомолов, где столкнулась с 1-й партизанской бригадой Жлобы. В завязавшемся упорном бою красные одержали верх и начали преследовать противника вплоть до села Березняги. Там к белым подошло подкрепление. Двинувшаяся в обход свежая кавалерийская бригада опасно нависла над левым флангом красных. Тогда Жлоба, воспользовавшись наступившей темнотой, принял решение

незаметно отойти обратно к Богомолу. Не заметившие этого маневра белые атаковали, как и задумывали, но вместо красных в ночной неразберихе обрушились на своих же. Целый час они яростно уничтожали друг друга, пока наконец не разобрались, что к чему. Вот после этой кровавой и неудачной стычки многие казаки (особенно — из местных) начали массово отказываться идти в бой. Видимо, «дружественный огонь» и стал тем последним ударом, окончательно сломившим их упорство, и так расшатанное чередой непрерывных поражений.

Фронт стремительно покатился к границе Войска Донского. Степан, впрочем, в дальнейших боях участия уже не принимал, поскольку его в скором времени догнала грозная бумага, предписывавшая «товарищу Воинцеву немедленно вернуться в Острогужск и приложить все силы к налаживанию мирной жизни в этом уезде». Сказать по правде, он и сам этого давно желал. За, почитай, пять лет войны порядком надоела. Пахать хотелось, строить, жить!

ЭПИЛОГ

22 октября 1921 года Владимир Ильич Ленин приехал на поля Бутырского хутора под Москвой для испытания первого электроплуга. Делу этому в стране придавалось очень большое значение. Недаром около года назад на VIII съезде Советов был принят знаменитый план ГОЭЛРО (Государственная Электрификация России). Вот в связи с этим концепция электропахоты и начала активно претворяться в жизнь. В ней виделся спасительный выход из сложившегося после гражданской войны бедственного положения, когда из-за недостатка тягловой силы многие поля стояли необработанными.

Первый опытный образец электроплуга соорудили рабочие Петроградской городской электростанции весной 1920 года. В качестве основы были взяты две лебедки, установленные на автомобильные шасси. Вот между ними при помощи троса и протягивался обыкновенный балансирный (или перекидной) плуг. Ну а лебедки, соответственно, приводились во вращение электромоторами. Первые же опыты по пахоте подобным способом оказались питерским товарищам весьма удачными. Дальше — больше.

Молва об электропахоте быстро понеслась по всей стране. Рассказал о ней кто-то и Ленину. Ильич, как человек увлекающийся всевозможными техническими новинками, тоже заинтересовался и принял самое живое участие во внедрении проекта в народное хозяйство. По его поручению была создана смешанная комиссия «Электроплуг», в задачу которой входило наблюдение за проектированием электроплугов, размещение заказов на их производство на предприятиях Советской России и разработка планов по дальнейшему использованию.

От простых полукустарных моделей дело быстро вышло на серьезный государственный уровень. Конструированием электроплугов (вернее — их комплектующих) занималось сразу несколько предприятий страны. Лебедки строились на Балтийском судостроительном заводе, собственно плуги — на Брянском паровозостроительном, электрооборудование — на заводе «Электросила» и так далее. Ленин внимательно следил за выполнением хода работ. Оно и понятно. Ведь по самым радужным подсчетам, годовая производительность каждого электроплуга должна была составлять порядка двух тысяч гектаров!

Наконец, опытный образец фабричного производства был готов к испытанием. Для их проведения было выбрано поле располагавшегося на Бутырском хуторе учебно-опытного хозяйства Московского зоотехнического института. 22 октября здесь собралась внушительная делегация из представителей ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства), Наркомзема (Народный комиссариат земледелия) и иных наркоматов и ведомств. Ну и трудовых коллективов, естественно! После-

дних, что вполне объяснимо, особенно привлекали носившиеся в воздухе слухи о новой невиданной чудо-пахоте!

Часов в одиннадцать прибыл Ильич вместе с Надеждой Константиновной Крупской и своей сестрой Марией Ильиничной. Помимо электропахоты он намеревался посетить еще и молочную ферму, а также осмотреть двухэтажный дом, недавно построенный для сотрудников опытного хозяйства. Совместить, так сказать, нужное с необходимым!

Стоял хмурый осенний день. Дождя, впрочем, не было, что шло только на руку предстоящим испытаниям. Когда новый восьмикорпусной плуг, движимый лебедочным стальным тросом, двинулся вперед, Ленин не сдержался и подошел поближе.

— Владимир Ильич! — сразу же замахали на него руками строители испытаний. — Отойдите подальше! Это опасно! Не дай бог, трос порвется или плуг выскочит из борозды! Греха тогда не оберешься! Хвостом ударить может!

— А как же вы намереваетесь его в народном хозяйстве применять? — резонно переспросил Ильич. — Этак никаких пахарей не напасетесь!

Плуг и впрямь то и дело выскакивал из борозды. Происходило это тогда, когда он наткнулся на серьезное препятствие либо на слой утоптанной почвы. А такими поле Бутырского хутора, вдоль и поперек исхоженное пешеходными тропинками, буквально изобиловало. Как будто места иного для испытаний нельзя было подобрать! Ответственное дело — и на тебе! Плуг-то, оказывается, не тянет!

— Какого черта он у вас хвостом крутит?! — недовольно проворчал Ленин.

Чувствовалось, что он раздражается все больше и больше. А тут еще какой-то мальчонка из окрестной детворы принялся гонять слетевшихся на борозду галок:

— Кыш-кыш!

— Ты зачем это птиц прогоняешь, постреленок?

— А чего они червяков обижают!

— Что ж, коли так? Полезны и те, и эти. Природа, брат — тонкая штука!

Мальчика, впрочем, вскоре оттерли от высокого гостя. Однако согласно дальнейшей житийной версии Ильич о нем не забыл и даже прислал впоследствии комплект учебников вместе с теплой одеждой!

Пока же Ленину было явно не до этого. Осмотревшись по сторонам, он подошел к группе представителей трудового крестьянства и затронул одного из них.

— Здравствуйте, товарищ! Вот вас как зовут?

— Воинцев. Степан. Из Воронежской губернии.

— Что-то мне лицо ваше знакомое, товарищ Воинцев. Мы не могли нигде раньше встречаться?

— Все возможно, Владимир Ильич! По коридорам Смольного в октябре семнадцатого много народу слонялось!

— Тут вы, батенька, совершенно правы! Анархия тогда и впрямь стояла преизрядная! Ну, ничего. Нам на тот момент простительно было. Только-только власть взяли и еще, по сути, учились управлять государством. Но речь не об том. И как же вы, товарищ Воинцев, с позиции крестьянства оцениваете результаты сегодняшней электропахоты?

— Да как вам сказать, Владимир Ильич. С одной стороны, электричество — вещь, безусловно, полезная. Его и в самом деле стоит повсеместно внедрять и развивать. У нас в Воронеже молодой инженер Андрей Климентов выпустил под псевдонимом Платонов брошюру «Электрификация». Страстная вещица, скажу я вам! В электричестве он тоже видит чуть ли не панацею от всех наших теперешних бед — нищеты, голода и так далее. Тут я с ним полностью согласен. Электрический рай на Земле возможен. Но — в будущем. Отдаленном или нет, пока не знаю. А взять, к примеру, ту же электропахоту. Чтобы подобный способ обработки по-

чвы широко внедрить в народное хозяйство, надо практически к каждому полю протянуть провода. А где их взять, если даже хаты в деревнях у нас до сих пор керосиновыми лампами освещаются? Вот когда построим достаточное количество электростанций, тогда и об электропахоте станем речь вести. Далее. Если сравнить простой примитивный плуг с лошадкой или тот же американский трактор, то для их обслуживания требуется один, максимум два человека. А здесь сколько? Посчитайте, цельных пять! Один на плуге, двое у лебедок и двое — у трансформаторов. И где же тогда экономия?

— Верно подмечено! Так значит, вы против внедрения электроплуга?

— В данном варианте — да. Лучше бы нам поскорей начать свои трактора строить! Проку от них, по-моему, гораздо больше будет! Они же не только пахать могут!

— Совершенно верно! Полностью с вами согласен, батенька! Вот он — глас народа! — вскрикнул Ленин. — Надо нам чаще к нему прислушиваться.

Ленин, прощаясь, сделал было пару шагов в сторону, но потом неожиданно вернулся.

— А ведь я вас вспомнил, товарищ Воинцев! Это же вы по поручению Совнаркома выполняли ответственное задание за границей. В Италии и Китае, если мне память не изменяет?

— Все верно, Владимир Ильич!

— А чего в таком случае скромничаете? И, кстати, почему в Воронежской губернии очутились, а не в Москве работаете?

— Да я, Владимир Ильич, рад без памяти, что наконец домой попал! Своей семьей обзавелся, да на земле осел! Сколько ж можно воевать да по чужим краям скитаться!

— Ну это вы, батенька, зря. Негоже свои революционные таланты в землю закапывать! Тем более что для них вполне может очередное применение отыскаться. В Генуе весной следующего года должна состояться очередная союзническая конференция по урегулированию вопросов, не охваченных Версальским мирным договором. В кои-то веки и представители нашей страны получили туда приглашение. Поедет внушительная делегация во главе с наркомом Чичериним. А переводчиков не хватает! Не успели еще своих вырастить. Улавливаете, о чем речь идет?

— Вполне. Вот только я, Владимир Ильич, лишь итальянским языком и владею. Да и то — с середины наполовину. Не приведи Господи, еще опозорюсь где-нибудь! Стыда не оберешься!

— Ну, батенька, к чему такой пессимизм? Не стоит себя недооценивать. Не боги горшки обжигают! Да и к тому же, не зря говорится, что нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики!

— Все так, но только я беспартийный! Сочувствующий.

— Ну это я фигурально говорю. Что с того, что беспартийный? Зато наш, проверенный товарищ!

— И все же, неужели нельзя без меня там никак обойтись? Жену не хочу бросать! Только недавно свадьбу сыграли!

— Разве это проблема! Вместе поедете! Мы и на нее документы оформим. Заодно и супруге Италию покажете. Весной! Красота-то какая!

— Ну я, право, не знаю...

— А вы подумайте, товарищ Воинцев, подумайте... С таким народом, как вы, мы отныне твердо и неуклонно пойдем к новым победам! Так, товарищи?

Товарищи разногласно согласились и несмело зааплодировали, спугнув картых галок с косой борозды.